

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

О. Тенри

ВОЖДЬ КРАСНОКОЖИХ

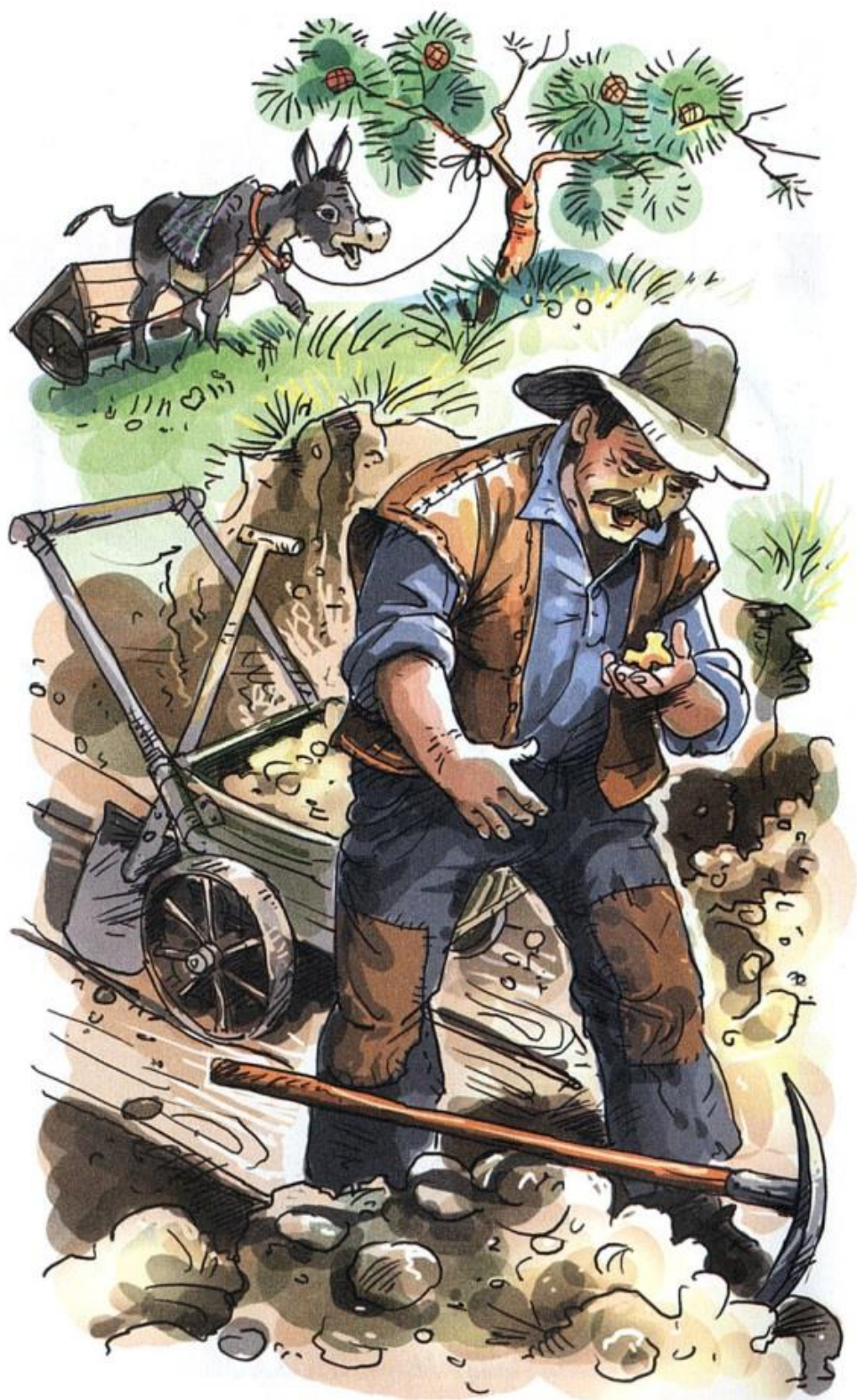
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕЧАТАЮТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

О. Тенри

ВОЖДЬ КРАСНОКОЖИХ

Художник
Теннадий Соколов

Чероки называли отцом Желтой Кирки. А Желтая Кирка была новым золотоискательским поселком, возведенным преимущественно из неоструганных сосновых бревен и парусины. Чероки был старателем. Как-то раз, пока его ослик утолял голод кварцем и сосновыми шишками, Чероки выворотил киркой самородок в тридцать унций весом. Чероки застолбил участок и тут же – как радушный хозяин и человек с размахом – разослал всем своим друзьям в трех штатах приглашение приехать, разделить с ним его удачу.

Никто из приглашенных не ответил вежливым отказом. Они прикатили с реки Хилы, с Рио-Пекос и с Соленой реки, из Альбукерка и Феникса, из Санта-Фэ и изо всех окрестных старательских лагерей.

Когда около тысячи золотоискателей застолбили участки и обосновались на них, они назвали свое поселение Желтой Киркой, избрали комитет охраны общественного порядка и преподнесли Чероки часовую цепочку из небольших самородков.

Через три часа после окончания церемонии с цепочкой золото на участке Чероки иссякло. Он застолбил не жилу, а карман. Чероки бросил участок и принялся столбить новые – один за другим. Но счастье повернулось к нему спиной. Золотого песка, который он намывал за день, ни разу не хватило, чтобы оплатить его счет в баре. Зато почти у всех приглашенных им старателей дела шли на лад, и Чероки радостно улыбался и поздравлял их с успехом.

В Желтой Кирке подобрался народ, уважавший тех, кто не падает духом от неудачи. Старатели спросили Чероки, что они могут для него сделать.

– Для меня? – сказал Чероки. – Да что ж, небольшая ссуда пришлась бы сейчас в самую пору. Надо, пожалуй, попытать счастья в Марипозе. Если нападуду там на хоро-

шую залежь, тут же пришлю вам весточку. Вы же знаете — я не из тех, кто скрывает свою удачу от друзей.

В мае Чероки навьючил свое снаряжение на ослика и повернул его задумчивой мышасто-серой мордой на север. Толпа новоселов проводила его до воображаемой городской заставы, и он зашагал дальше, напутствуемый прощальными криками и пожеланиями успеха. Пять фляжек без единого пузырька воздуха между пробкой и содержимым были силком рассованы по его карманам. Чероки просили не забывать, что в Желтой Кирке его всегда будут ждать постель, яичница с салом и горячая вода для бритья, если Фортуна не надумает заглянуть к нему на стоянку в Марипозе, чтобы погреть руки у его костра.

Чероки получил это свое прозвище в соответствии с существовавшей среди старателей номенклатурной системой. Предъявления свидетельства о крещении не требовалось — каждый получал свою кличку и без этого. Имя и фамилия человека считались его личной собственностью, а чтобы его удобнее было кликнуть к стойке и как-то отличить от других облаченных в синие рубахи двуногих, общество присваивало ему какое-нибудь временное звание, титул или прозвище. Повод для этих не предусмотренных законом крестин чаще всего усматривался в личных особенностях каждого. Ко многим без труда приставало название той местности, из которой они, по их словам, прибыли. Некоторые громко и нахально именовали себя «Адамсами», или «Томпсонами», или еще как-нибудь в том же роде, бросая этим тень на свою репутацию. Кое-кто хвастливо и бесстыдно раскрывал свое бесспорно подлинное имя, но это воспринималось как пустое зазнайство и не имело успеха среди старателей. Одному типу, заявившему, что его зовут Честертон Л. К. Белмонт, и предъявившему в доказательство бумаги, категорически предложили покинуть город до захода солнца. Особенно в ходу были клички вроде: «Коротыш», «Криволапый»,

«Техасец», «Лежебока Билл», «Роджер-Выпивоха», «Хромой Райли», «Судья» и «Эд-Калифорния». Чероки получил свое прозвище потому, что он прожил будто бы некоторое время среди этого индейского племени.

Двадцатого декабря Болди, почтальон, прискакал в Желтую Кирку с потрясающей новостью.

– Как вы думаете, кого я видел в Альбукерке? – спросил Болди, заняв свое место у стойки бара. – Чероки. Разряжен в пух и прах, словно какой-нибудь султан турецкий, и швыряет деньгами направо и налево. Мы с ним погуляли на славу и отпробовали слабительной шипучки, и Чероки оплачивал все счета наложенным платежом. Карманы у него раздулись от денег, как бильярдные лузы, набитые шарами.

– Чероки, должно быть, напал на хорошую жилу, – сказал Эд-Калифорния. – Вот порядочный малый! Я глубоко признателен Чероки за то, что ему наконец повезло.

– Не мешало бы Чероки притопать теперь в Желтую Кирку поведать старых друзей, – заметил кто-то с ноткой огорчения в голосе. – Ну, да так оно всегда бывает. Деньги – лучшее средство, чтоб отшибло память.

– Постойте, – возразил Болди, – я еще не все рассказал. Чероки застолбил трехфутовую жилу там, в Марипозе, и с каждой тонны руды добывал столько золота, что хоть всякий раз кати в Европу. Эту свою жилу он продал одному синдикату и получил сто тысяч долларов чистоганом. После этого он купил себе шубу из новорожденных котиков, и красные сани, и... ну, угадайте, что еще он надумал?

– В карты режется, – высказал предположение Техасец, который не мыслил себе развлечений вне азарта.

– Ах, поцелуй меня скорей, моя красотка! – пропел Коротыш, носивший в кармане чью-то фотографию и не снимавший пунцового галстука даже во время работы на участке.

– Купил пивную, – решил Роджер-Выпивоха.

– Чероки повел меня к себе в комнату, – продолжал Болди, – и кое-что мне показал. У него там целый склад кукол, барабанов, попрыгунчиков, коньков, мешочков с леденцами, хлопушек, заводных барашков и прочей дребедени. И как вы думаете, что он собирается делать со всеми этими бесполезными побрякушками? Нипочем не угадаете. Ну так вот, Чероки мне сказал. Он задумал погрузить все это в свои красные сани и... стойте, стойте, подождите заказывать виски!., прискакать сюда, в Желтую Кирку, и закатить здешней детворе – ну да, да, здешней детворе! – такую большую рождественскую елку и такой великий кутеж с раздачей Говорящих Кукол и Больших Столярных Наборов для Маленьких Умных Мальчиков, какие не снились еще ни одному сосунку к западу от мыса Гаттераса!

После этих слов минуты на две воцарилось гробовое молчание. Оно было нарушено барменом. Решив, что удобный момент для проявления радушия настал, он двинул по стойке свою батарею стаканов; следом за ними и не столь стремительно поплыла бутылка виски.

– А ты сказал ему? – спросил старатель по кличке Тринидад.

– Да нет, – с запинкой отвечал Болди, – не сказал. Как-то к слову не пришлось. Ведь Чероки уже закупил всю эту муру и уплатил за нее сполна и уж так-то был доволен собой и своей затеей... И мы с ним успели порядком нагрузиться этой самой шипучкой. Нет, я ничего ему не сказал.

– Признаться, я несколько изумлен, – молвил Судья, вешая свою тросточку с ручкой из слоновой кости на стойку бара. – Как мог наш друг Чероки составить себе столь превратное представление о своем, так сказать, родном городе?

– Ну, то ли еще бывает на свете, – возразил Болди. – Чероки уехал отсюда семь месяцев назад. Мало ли что могло случиться за это время. Откуда ему знать, что в городе совсем нет ребятишек и пока не ожидается.

– Да ведь если рассудить, – заметил Эд-Калифорния, – так это даже странно, что никаким ветром их к нам еще не занесло. Может, это потому, что в городе покуда не налажено снабжение сосками и пеленками?

– А для пущего эффекта, – сказал Болди, – Чероки решил сам нарядиться Дедом Морозом. Он раздобыл себе белый парик и бороду, в которых он как две капли воды похож на этого парня Лонгфелло, если судить по портрету в книжке. И потом еще красный, обшитый мехом, исподний балахон, чтобы надевать поверх всего, пару красных рукавиц и круглый красный стоячий колпак с отложным кончиком. Позор да и только, как подумаешь, что все это обмундирование пропадает зазря, когда столько разных Энн и Вилли мечтают об эдаком чуде!

– А когда Чероки думает прибыть сюда со своим товаром? – спросил Тринидад.

– В сочельник утром, – сказал Болди. – И он хочет, чтобы вы, ребята, приготовили помещение, и поставили елку, и пригласили дам помочь наряжать ее. Но только таких, которые умеют держать язык за зубами, – чтоб полный был сюрприз для ребят.

Отмеченное собеседниками прискорбное состояние Желтой Кирки соответствовало действительности. Ни разу ребячий голосок не порадовал обитателей этого на скорую руку возведенного поселка. Ни разу топот резвых детских ножек не прозвучал на его единственной немощеной улице между двумя рядами палаток и бревенчатых хижин. Все это пришло потом. Но в те дни Желтая Кирка была просто затерянным в горах старательским лагерем, и никто еще не видел там горящих ожиданием плутовских глаз, нетерпеливо встречающих зарю праздничного дня, или рук, жадно протянутых к таинственным дарам Деда Мороза, не слышал восторженных кликов по поводу великой зимней радости – елки. Словом, не было в Желтой Кирке ничего, что могло бы послужить наградой добросердечному Чероки за тот ворох добра, который он туда вез.

Женщин в Желтой Кирке было всего пять. Из них три – жена пробирщика, хозяйка гостиницы «Счастливая находка» и прачка, намывавшая в своем корыте на унцию золотого песка в день, – составляли оседлую часть женского населения поселка. Остальные две были сестры Спэнглер – мисс Фаншон и мисс Ирма – из «Передвижного драматического», который играл сейчас в импровизированном театре «Ампир». Но детей в поселке не было. Иной раз мисс Фаншон исполняла не без огонька роль какого-нибудь бойкого подростка, но создаваемый ею образ был плачевно далек от того детского облика, который рисовался воображению как достойный объект праздничных щедрот Чероки.

Рождество приходилось на четверг. Во вторник утром Тринидад не пошел работать на участок, а направился к Судье в гостиницу «Счастливая находка».

– Желтая Кирка опозорит себя навеки, – заявил Тринидад, – если мы не поддержим Чероки в этом его елочном загуле. Чероки, можно сказать, создал наш город. Я лично решил кое-что предпринять, чтобы Дед Мороз не оказался в дураках.

– Это начинание, – сказал Судья, – встретит всемерную поддержку с моей стороны. Я многим обязан Чероки. Однако я не вижу путей и средств... собственно говоря, отсутствие детей в нашем городе я до этой минуты склонен был рассматривать скорее как благодеяние... хотя при сложившихся обстоятельствах... тем не менее я все-таки не вижу путей и средств.

– Взгляните на меня, – сказал Тринидад, – и вы увидите. Пути и средства стоят перед вами и уже собрались в путь-дорогу, Я сейчас раздобуду упряжку и пригоню на представление нашего Деда Мороза целый фургон детворы... хотя бы пришлось совершить налет на сиротский приют.

– Эврика! – воскликнул Судья.

– Нет, врите! – решительно возразил Тринидад. – Это я нашел. Я когда-то тоже учил латынь в школе.

– Я буду вас сопровождать, – заявил Судья, размахивая тросточкой. – Тот небольшой дар речи и ораторские способности, которыми я обладаю, могут пригодиться нам, когда нужно будет убедить наших юных друзей предоставить себя на некоторое время напрокат для осуществления наших планов.

Через час Желтая Кирка была оповещена о плане Тринидада и Судьи и единодушно его одобрила. Каждый, кому было известно, что где-нибудь в радиусе сорока миль от Желтой Кирки проживает семья с малолетними отпрысками, поспешил поделиться своими сведениями.

Тринидад тщательно все записал и, не теряя времени, отправился на розыски лошадей и возка.

Первую остановку намечено было сделать у пятистенной бревенчатой хижины в двадцати милях от Желтой Кирки. Тринидад покричал у ворот, из хижины вышел хозяин и стал, облокотившись о расшатанную калитку. На порог высыпала орава ребятишек, порядком оборванных, но пышущих здоровьем и снедаемых любопытством.

– Вот какое дело, – начал Тринидад. – Мы из Желтой Кирки. Приехали похитить у вас детишек на добровольных, так сказать, началах. Один из наших видных горожан одержим елочной манией и пожелал стать Дедом Морозом. Завтра он прикатит в город с целым возом разной чепухи, выкрашенной в красную краску и изготовленной в Германии. А у нас в Желтой Кирке самый младший из сорванцов обзавелся уже сорокапятикалиберным револьвером и безопасной бритвой. Так кто же будет кричать «Ох!» и «Ах!», когда на елке зажгутся свечи? Словом, друг, если вы одолжите нам парочку ребят, мы обещаем возвратить их в полной сохранности. В первый день Рождества они будут доставлены обратно в лучшем виде и притащат с собой Робинзонов в красивых переплетах, рога изобилия, красные барабаны и прочие вещественные доказательства. Ну, как?

– Другими словами, – вмешался Судья, – мы, впервые со дня основания нашего небольшого, но процветающего города, обнаружили его несовершенство в смысле совершенного отсутствия в нем несовершеннолетних. И ввиду приближения того календарного срока, когда обычаем предусмотрено награждать, так сказать, нежных и юных различными бесполезными, но ходкими предметами...

– Понятно, – сказал хозяин, уминая большим пальцем табак в трубке. – Не стану задерживать вас, джентльмены. У нас со старухой, скажем прямо, семеро ребятишек. Так вот, я перебрал в уме всю кучу и что-то не вижу, кого из

них мы могли бы уступить вам для вашей гулянки. Старуха уже нажарила кукурузных зерен, а в комоду у нее спрятаны тряпичные куклы, и мы сами думаем кутнуть на праздничках, хотя и по-домашнему, без затей. Словом, мне эта ваша выдумка не очень-то по душе, и я ни одного из своих ребят не уступлю. Премного вам благодарен, джентльмены.

Они покатали под гору, взобрались на другой холм и остановили возок у ранчо Уайли Уилсона. Тринидад изложил свою просьбу. Судья торжественно прогудел партию для второго голоса. Миссис Уайли спрятала двух розовощеких пострелят в складках своей юбки и не улыбнулась до тех пор, пока не увидела, что мистер Уайли смеется и отрицательно качает головой. Опять отказ!

Когда в низине меж холмами начали сгущаться сумерки, Тринидад и Судья уже исчерпали больше половины своего списка – и все впустую. Они заночевали в придорожной гостинице и на заре снова пустились в путь. В возке не прибавилось ни одного седока.

– Я, кажется, начинаю понимать, – сказал Тринидад, – что получить ребенка напрокат на праздники так же трудно, как украсть масло у человека, который собрался есть блины.

– Не подлежит никакому сомнению, – отозвался Судья, – что семейные узы приобретают в этот период года исключительную, так сказать, прочность.

В канун праздника они покрыли тридцать миль, сделали четыре бесплодных остановки и произнесли четыре не имевших успеха воззвания. Детвора везде была на вес золота.

Солнце уже клонилось к закату, когда жена старшего обходчика на какой-то глухой железнодорожной ветке, загорюничав собой еще одно не подлежащее изъятию сокровище, сказала:

– На Гранитной Стрелке работает сейчас новая буфет-

чица. У нее, кажется, есть сынишка. Может, она и отпустит его с вами.

В пять часов вечера Тринидад пригнал своих мулов к станции Гранитная Стрелка. Поезд только что отошел, забрав с собой утоливших голод и умиротворенных пассажиров.

На ступеньках железнодорожного буфета они увидели тощего угрюмого мальчонку лет десяти, с папиросой в зубах. В буфете, где пассажиры с налету удовлетворяли свой кочевой аппетит, царил хаос. Молодая, но иссушенная заботами женщина в полном изнеможении сидела, откинувшись на спинку стула. Лицо ее хранило следы своеобразной красоты – той, что никогда не исчезает бесследно, но которую нельзя и вернуть. Тринидад разъяснил ей цель их приезда.

– Да я буду рада, если вы хоть ненадолго заберете с собой Бобби, – устало сказала женщина. – Крутишься тут как заведенная с утра до ночи – некогда за ним присмотреть. А он набирается дурных примеров от взрослых. Какие уж тут елки – вот разве что у вас...

Мужчины вышли на крыльцо для переговоров с Бобби. Тринидад в живых красках описал ему роскошную елку с подарками.

– А потом, мой юный друг, – добавил Судья, – сам Дед Мороз явится к вам с дарами, как бы в ознаменование того, как некогда волхвы...

– А, бросьте заливать! Я не ребенок, – насмешливо прищурившись, прервал его Бобби. – Нет никаких дедморозов. Это вы, дяди, сами покупаете в лавке всякую дрянь и суете ребятам ночью под подушки. И пачкаете каминными щипцами пол – будто Дед Мороз приехал на санях.

– Ну, может, и так, – примирительно сказал Тринидад. – Но елки-то ведь всамделишные. А у нас будет знаешь какая! Как универсальный магазин в Альбукерке – все игрушки не дешевле десяти центов. И барабаны будут, и волчки, и ноев ковчег, и...

– К черту! – холодно сказал Бобби. – Я с этим давно покончил. Хочу ружье. Не игрушечное, а настоящее, чтоб стрелять диких котов. Так у вас небось не найдется ружья на вашей дурацкой елке?

– Поручиться не могу, – сказал Тринидад дипломатично, – но кто его знает... Поедем с нами, а там видно будет.

Заронив этот слабый луч надежды в душу Бобби, вербовщики вынудили у него согласие пойти навстречу филантропическому порыву Чероки и пустились со своим единственным трофеем в обратный путь.

В Желтой Кирке тем временем помещение пустовавшего склада было превращено в праздничный зал, разукрашенный, как чертоги доброй аризонской феи. Дамы потрудились не зря. Елка, вся в свечках, серебряной мишуре и игрушках, которых хватило бы на добрых два десятка ребят, висилась в центре зала. Когда свечерело, все,

сжигаемые нетерпением, стали выглядывать на улицу – не покажется ли возок с похитителями детей.

Еще в полдень Чероки влетел в поселок на красных санях, заваленных свертками, кулками и коробками самой различной формы и размера. И так был он увлечен выполнением своего бескорыстного замысла, что даже не заметил отсутствия ребят в поселке, а открыть ему глаза на позорное состояние Желтой Кирки ни у кого не хватило духу; к тому же все твердо верили, что Тринидад и Судья сумеют восполнить этот ужасающий пробел.

Когда солнце село, Чероки хитро подмигнул собравшимся и с лукавой улыбкой на обветренном морщинистом лице удалился из зала, прихватив узелок со всем реквизитом Деда Мороза и еще один таинственный пакет с игрушками.

– Как только ребята соберутся, – наказывал он членам добровольного елочного комитета, – зажгите елку и поиграйте с ними в кошки-мышки. А когда у них пойдет дым коромыслом, вот тогда... тогда Дед Мороз потихоньку проскользнет в дверь. Подарков, думается мне, должно хватить.

Дамы порхали вокруг елки, в последний раз перевешивая какие-то украшения, чтобы тут же перевесить их заново. Сестры Спэнглер тоже были здесь: одна в костюме леди Вайолет де Вир, другая – служанки Мари, персонажей из новой пьесы «Невеста рудокопа». Спектакли в театре начинались только в девять часов, и актрисы, с благосклонного разрешения комитета, помогали наряжать елку. Кто-нибудь то и дело выскакивал на крыльцо и прислушивался – не возвращается ли упряжка Тринидада. Тревога росла, ибо надвигалась ночь и пора было зажигать елку, да и Чероки в любую минуту мог, не спросив, появиться на пороге в полном облачении рождественского Деда.

Но вот на улице заскрипел возок, и «похитители» подъехали к складу. Дамы всполошились и с восторжен-

ными восклицаниями бросились зажигать свечи. Мужчины беспокойно прохаживались из угла в угол или стояли небольшими группами, смущенно переминаясь с ноги на ногу.

Три니다д и Судья, истомленные долгими странствиями, вступили в зал, ведя за руку тщедушного, озорного с виду мальчишку. Мальчишка презрительным взглядом исподлобья окинул пестро разряженную елку.

– А где же остальные дети? – спросила жена пробирщика, игравшая первую скрипку во всех светских начинаниях города.

– Сударыня, – со вздохом отвечал Три니다д, – отправляться на разведку за детьми перед праздником – все равно что искать серебро в известняках. Так называемые родительские чувства – сплошная для меня загадка. Похоже, что папашам и мамашам совершенно безразлично, если их потомство все триста шестьдесят четыре дня в году будет тонуть, объедаться ядовитыми дубовыми орешками, попадать в лапы диких котов или похитителей детей. Но в сочельник оно, вынь да положь, должно отравлять своим присутствием семейные сборища. Этот вот экземпляр, сударыня, – единственное, что нам удалось откопать в результате двухдневных разведок на местности.

– Ах, прелестное дитя! – проворковала мисс Ирма, волоча свой театральный шлейф к середине сцены.

– Отвяжитесь! – хмуро буркнул Бобби. – Кто это – «дитя»? Уж не вы ли?

– Дерзкий мальчишка! – ахнула мисс Ирма, не успев погасить эмалевой улыбки.

– Старались, как могли, – сказал Три니다д. – Обидно за Чероки, да что же поделаешь.

Тут распахнулась дверь, и появился Чероки в традиционном костюме Деда Мороза. Белые космы парика и пышная белая борода закрывали почти все его лицо – видны были только темные, искрившиеся весельем глаза. За спиной он нес мешок.

Все замерли при его появлении. Даже сестры Спэнглер, забыв принять кокетливые позы, с любопытством уставились на высокую фигуру рождественского Деда Бобби, насупившись, засунув руки в карманы, угрюмо рассматривал нелепое, обвешанное побрякушками дерево. Чероки опустил на пол свой мешок и с удивлением огляделся по сторонам. Быть может, у него мелькнула мысль, что нетерпеливую ватагу ребятишек загнали куда-нибудь в угол, чтобы выпустить оттуда, как только он войдет. Чероки направился к Бобби и протянул ему руку в красной рукавице.

– Поздравляю тебя с праздником, мальчуган, – сказал он. – Можешь брать с елки все, что тебе нравится, – мы сейчас достанем. Ну, давай руку, поздоровайся с Дедом Морозом.

– Нет никаких дедморозов, – шмыгнув носом, проворчал Бобби. – У тебя фальшивая борода. Из старых козлиных оческов. Я не ребенок. На черта мне эти куклы и оловянные лошадки? Кучер сказал, что дадут ружье. А у тебя его нет. Я хочу домой.

Три니다д пришел на помощь. Он схватил руку Чероки и горячо ее потряс.

– Ты уж прости, Чероки, – сказал он. – Нет у нас в Желтой Кирке никаких ребят, да и сроду не было. Мы надеялись пригнать их целый косяк на твое суарэ, да вот, кроме этой сардинки, ничего не удалось выловить. А он, понимаешь ли, атеист и не верит в рождественских Дедов. Нам очень совестно, что ты зря потратился. Да ведь мы с Судьей думали, что притащим сюда целую ораву мелюзги и все твои свистульки пойдут в ход.

– Ну и ладно, – спокойно сказал Чероки. – Подумаешь, какие траты, есть о чем говорить! Свалим все это барахло в старую шахту, да и дело с концом. Но надо же быть таким ослом – прямо из головы вон, что в Желтой Кирке нету ребятишек!

Гости меж тем с похвальным усердием, хотя и без особого успеха, делали вид, что веселятся вовсю.

Бобби отошел в угол и уселся на стул. Холодная скука была отчетливо написана на его лице. Чероки, еще не вполне отвыкнув от своей роли, подошел и сел рядом.

– Где ты живешь, мальчик? – вежливо осведомился он.

– На Гранитной Стрелке, – нехотя процедил Бобби.

В зале было жарко. Чероки снял свой колпак, парик и бороду.

– Эй! – несколько оживившись, произнес Бобби. – А ведь я тебя знаю.

– Разве мы с тобой встречались, малыш?

– Не помню. А вот карточку твою я видел. Сто раз.

– Где?

Бобби колебался.

– Дома. На комодке.

– Скажи, пожалуйста, мальчик, а как тебя зовут?

– Роберт Лэмсен. Это материна карточка. Она прячет ее ночью под подушку. Я раз видел даже, как она ее целовала. Вот уж нипочем бы не стал. Но женщины все на один лад.

Чероки встал и поманил к себе Тринидада.

– Посиди с мальчиком, я сейчас вернусь. Пойду сниму этот балахон и заложу сани. Надо отвезти мальчишку домой.

– Ну, безбожник, – сказал Тринидад, занимая место Чероки. – Ты, брат, значит, настолько одряхлел и всем пресытился, что тебя уже не интересует разная ерунда вроде сластей и игрушек?

– Ты неприятный тип, – язвительно сказал Бобби. – Ты обещал, что будет ружье. А здесь человеку даже покурить нельзя. Я хочу домой.

Чероки пригнал сани к крыльцу, и Бобби водрузили на сиденье. Резвые лошадки бойко рванулись вперед по укатанной снежной дороге. На Чероки была его пятисотдол-

ларовая шуба из новорожденных котиков. меховая полость приятно грела.

Бобби вытащил из кармана папиросу и принялся чиркать спичкой.

– Брось папиросу! – сказал Чероки спокойно, но каким-то новым голосом.

После некоторого колебания Бобби швырнул папиросу в снег.

– Брось всю коробку, – приказал новый голос.

Мальчик повиновался не сразу, но все же исполнил и этот приказ.

– Эй! – сказал вдруг Бобби. – А ты мне нравишься. Не пойму даже почему. Попробовал бы кто-нибудь так надо мной командовать!

– Послушай, малыш, – сказал Чероки обыкновенным голосом. – А ты не врешь, что твоя мать целовала эту карточку? Ту, что на меня похожа?

– Не вру. Сам видел.

– Ты, кажется, что-то говорил насчет ружья?

– Ну да. А что? Есть у тебя?

– Завтра получишь. С серебряными нашлепками.

Чероки поглядел на часы.

– Половина девятого. Что ж, мы с тобой доберемся до Гранитной Стрелки как раз к празднику, минута в минуту. Тебе не холодно? Садись поближе, сынок.

ВОЖДЬ КРАСНОКОЖИХ

Дельце как будто подвертывалось выгодное. Но погодите, дайте я вам сначала расскажу. Мы были тогда с Биллом Дрисколлом на Юге, в штате Алабама. Там нас осенила блестящая идея насчет похищения. Должно быть, как говаривал потом Билл, «нашло временное помрачение ума», – только мы-то об этом догадались много позже.

Есть там один городишко, плоский, как блин, и, конечно, называется Вершины. Живет в нем самая безобидная и всем довольная деревенщина, какой впору только плясать вокруг майского шеста.

У нас с Биллом было в то время долларов шестьсот объединенного капитала, а требовалось нам еще ровно две тысячи на проведение жульнической спекуляции земельными участками в Западном Иллинойсе. Мы поговорили об этом, сидя на крыльце гостиницы. Чадолубие, говори-

ли мы, сильно развито в полудеревенских общинах, а поэтому, а также и по другим причинам, план похищения легче будет осуществить здесь, чем в радиусе действия газет, которые поднимают в таких случаях шум, рассылая во все стороны переодетых корреспондентов. Мы знали, что городишко не может послать за нами в погоню ничего страшнее констеблей, да каких-нибудь сентиментальных ищеек, да двух-трех обличительных заметок в «Еженедельном бюджете фермера». Как будто получалось недурно.

Мы выбрали нашей жертвой единственного сына самого видного из горожан, по имени Эбенезер Дорсет. Папаша был человек почтенный и прижимистый, любитель просроченных закладных, честный и неподкупный церковный сборщик. Сынок был мальчишка лет десяти, с выпуклыми веснушками по всему лицу и волосами приблизительно такого цвета, как обложка журнала, который покупаешь обычно в киоске, спеша на поезд. Мы с Биллом рассчитывали, что Эбенезер сразу выложит нам за сынка две тысячи долларов, никак не меньше. Но погодите, дайте я вам сначала расскажу.

Милях в двух от города есть невысокая гора, поросшая густым кедровником. В заднем склоне этой горы имеется пещера. Там мы сложили провизию.

Однажды вечером, после захода солнца, мы проехали в шарабане мимо дома старика Дорсета. Мальчишка был на улице и швырял камнями в котенка, сидевшего на заборе.

– Эй, мальчик! – говорит Билл. – Хочешь получить пакетик леденцов и прокатиться?

Мальчишка засветил Биллу в самый глаз обломком кирпича.

– Это обойдется старику в лишних пятьсот долларов, – сказал Билл, перелезая через колесо.

Мальчишка этот дрался, как бурый медведь среднего

веса, но в конце концов мы его запихали на дно шарабана и поехали. Мы отвели мальчишку в пещеру, а лошадь я привязал в кедровнике. Когда стемнело, я отвез шарабан в дереvuшку, где мы его нанимали, милях в трех от нас, а оттуда прогулялся к горе пешком.

Смотрю, Билл заклеивает липким пластырем царапины и ссадины на своей физиономии. Позади большой скалы у входа в пещеру горит костер, и мальчишка с двумя ястребиными перьями в рыжих волосах следит за кипящим кофейником. Подхожу я, а он нацелился в меня палкой и говорит:

– А, проклятый бледнолицый, как ты смеешь являться в лагерь Вождя Краснокожих, грозы равнин?

– Сейчас он еще ничего, – говорит Билл, закатывая штаны, чтобы разглядеть ссадины на голених. – Мы играем в индейцев. Цирк по сравнению с нами – просто виды Палестины в волшебном фонаре. Я старый охотник Хенк, пленник Вождя Краснокожих, и на рассвете с меня снимут скальп. Святые мученики! И здоров же лягаться этот мальчишка!

Да, сэр, мальчишка, видимо, веселился вовсю. Жить в пещере ему понравилось, он и думать забыл, что он сам пленник. Меня он тут же окрестил Змеиным Глазом и Соглядатаем и объявил, что, когда его храбрые воины вернутся из похода, я буду изжарен на костре, как только взойдет солнце.

Потом мы сели ужинать, и мальчишка, набив рот хлебом с грудинкой, начал болтать. Он произнес застольную речь в таком роде:

– Мне тут здорово нравится. Я никогда еще не жил в лесу; зато у меня был один раз ручной опоссум, а в прошлый день рождения мне исполнилось девять лет. Терпеть не могу ходить в школу. Крысы сожрали шестнадцать штук яиц из-под рябой курицы тетки Джимми Талбота. А настоящие индейцы тут в лесу есть? Я хочу еще подливки.

Ветер отчего дует? Оттого, что деревья качаются? У нас было пять штук щенят. Хенк, отчего у тебя нос такой красный? У моего отца денег видимо-невидимо. А звезды горячие? В субботу я два раза отлупил Эда Уокера. Не люблю девчонок! Жабу не очень-то поймаешь, разве только на веревочку. Быки ревут или нет? Почему апельсины круглые? А кровати у вас в пещере есть? Амос Меррей – шестипалый. Попугай умеет говорить, а обезьяна и рыба нет. Дюжина – это сколько будет?

Каждые пять минут мальчишка вспоминал, что он краснокожий, и, схватив палку, которую он называл ружьем, крался на цыпочках ко входу в пещеру выслеживать лазутчиков ненавистных бледнолицых. Время от времени он выпускал военный клич, от которого бросало в дрожь старого охотника Хенка. Билла этот мальчишка запугал с самого начала.

– Вождь Краснокожих, – говорю я ему, – а домой тебе разве не хочется?

– А ну их, чего я там не видал? – говорит он. – Дома ничего нет интересного. В школу ходить я не люблю. Мне нравится жить в лесу. Ты ведь не отведешь меня домой, Змеиный Глаз?

– Пока не собираюсь, – говорю я. – Мы еще проживем тут в пещере.

– Ну ладно, – говорит он. – Вот здорово! Мне никогда в жизни не было так весело.

Мы легли спать часов в одиннадцать. Расстелили на землю шерстяные и стеганые одеяла, посередине уложили Вождя Краснокожих, а сами легли с краю. Что он сбежит, мы не боялись. Часа три он, не давая нам спать, все вскакивал, хватал свое ружье; при каждом треске сучка и шорохе листьев его юному воображению чудилось, будто к пещере подкрадывается шайка разбойников, и он верещал на ухо то мне, то Биллу: «Тише, приятель!» Под конец я заснул тревожным сном и во сне видел, будто меня похи-

тил и приковал к дереву свирепый пират с рыжими волосами.

На рассвете меня разбудил страшный визг Билла. Не крики, или вопли, или вой, или рев, какого можно было бы ожидать от голосовых связок мужчины, – нет, прямо-таки неприличный, ужасающий, унижительный визг, каким визжат женщины, увидев привидение или гусеницу. Ужасно слышать, как на утренней заре в пещере визжит без умолку толстый, сильный, отчаянной храбрости мужчина.

Я вскочил с постели посмотреть, что такое делается. Вождь Краснокожих сидел на груди Билла, вцепившись одной рукой ему в волосы. В другой руке он держал острый ножик, которым мы обыкновенно резали грудинку, и самым деловитым и недвусмысленным образом пытался снять с Билла скальп, выполняя приговор, который вынес ему вчера вечером.

Я отнял у мальчишки ножик и опять уложил его спать. Но с этой самой минуты дух Билла был сломлен. Он улегся на своем краю постели, однако больше уже не сомкнул глаз за все то время, что мальчик был с нами. Я было задремал ненадолго, но к восходу солнца вдруг вспомнил, что Вождь Краснокожих обещался сжечь меня на костре, как только взойдет солнце. Не то чтобы я нервничал или боялся, а все-таки сел, закурил трубку и прислонился к скале.

– Чего ты поднялся в такую рань, Сэм? – спросил меня Билл.

– Я? – говорю. – Что-то плечо ломит. Думаю, может, легче станет, если посидеть немного.

– Врешь ты, – говорит Билл. – Ты боишься. Тебя он хотел сжечь на рассвете, и ты боишься, что он так и сделает. И сжег бы, если б нашел спички. Ведь это просто ужас, Сэм. Уж не думаешь ли ты, что кто-нибудь станет платить деньги за то, чтобы такой дьяволенок вернулся домой?

– Думаю, – говорю я. – Вот как раз таких-то хулиганов и обожают родители. А теперь вы с Вождем Краснокожих вставайте и готовьте завтрак, а я поднимусь на гору и произведу разведку.

Я взошел на вершину маленькой горы и обвел взглядом окрестности. В направлении города я ожидал увидеть дюжих фермеров, с косами и вилами рыскающих в поисках подлых похитителей. А вместо того я увидел мирный пейзаж, и оживлял его единственный человек, пахавший на сером муле. Никто не бродил с баграми вдоль реки; всадники не скакали взад и вперед и не сообщали безутешным родителям, что пока еще ничего не известно. Сонным спокойствием лесов веяло от той части Алабамы, которая простиралась перед моими глазами.

«Может быть, – сказал я самому себе, – еще не обнаружено, что волки унесли ягненок из загона. Помоги, боже, волкам!» – И я спустился с горы завтракать.

Подхожу ближе к пещере и вижу, что Билл стоит, прижавшись к стенке, и едва дышит, а мальчишка собирается его трахнуть камнем чуть ли не с кокосовый орех величиной.

– Он сунул мне за шиворот с пылу горячую картошку, – объяснил Билл, – и раздавил ее ногой, а я ему надрал уши. Ружье с тобой, Сэм?

Я отнял у мальчишки камень и кое-как уладил это недоразумение.

– Я тебе покажу! – говорит мальчишка Биллу. – Еще ни один человек не ударил Вождя Краснокожих, не поплатившись за это. Так что ты берегись!

После завтрака мальчишка достает из кармана кусок кожи, обмотанный бечевкой, и идет из пещеры, разматывая бечевку на ходу.

– Что это он теперь затеял? – тревожно спрашивает Билл. – Как ты думаешь, Сэм, он не убежит домой?

– Не бойся, – говорю я. – Он, кажется, вовсе не такой

уж домосед. Однако нам нужно придумать какой-то план насчет выкупа. Не видно, чтобы в городе особенно беспокоились из-за того, что он пропал, а может быть, еще не пронюхали насчет похищения. Родные, может, думают, что он остался ночевать у тети Джейн или у кого-нибудь из соседей. Во всяком случае сегодня его должны хватиться. К вечеру мы пошлем его отцу письмо и потребуем две тысячи долларов выкупа.

И тут мы услышали что-то вроде военного клича, какой, должно быть, испустил Давид, когда нокаутировал чемпиона Голиафа. Оказывается, Вождь Краснокожих вытащил из кармана пращу и теперь крутил ее над головой.

Я увернулся и услышал глухой тяжелый стук и что-то похожее на вздох лошади, когда с нее снимают седло. Черный камень величиной с яйцо стукнул Билла по голове как раз позади левого уха. Он сразу весь обмяк и упал головой в костер, прямо на кастрюлю с кипятком для мытья посуды. Я вытащил его из огня и целых полчаса поливал холодной водой.

Понемножку Билл пришел в себя, сел, пощупал за ухом и говорит:

– Сэм, знаешь, кто у меня любимый герой в Библии?

– Ты погоди, – говорю я. – Мало-помалу придешь в чувство.

– Царь Ирод, – говорит он. – Ты ведь не уйдешь, Сэм, не оставишь меня одного?

Я вышел из пещеры, поймал мальчишку и начал так его трясти, что веснушки застучали друг о друга.

– Если ты не будешь вести себя как следует, – говорю я, – я тебя сию минуту отправлю домой. Ну, будешь ты слушаться или нет?

– Я ведь только пошутил, – сказал он, надувшись. – Я не хотел обижать старика Хенка. А он зачем меня ударил? Я буду слушаться, Змеиный Глаз, только ты не отправляй меня домой и позволь мне сегодня играть в разведчиков.

– Я этой игры не знаю, – сказал я. – Это уж вы решайте с мистером Биллом. Сегодня он будет с тобой играть. Я сейчас ухожу ненадолго по делу. Теперь ступай помирись с ним да попроси прощения за то, что ты его ушиб, а не то сейчас же отправишься домой.

Я заставил их пожать друг другу руки, потом отвел Билла в сторонку и сказал ему, что ухожу в деревушку Поплар-Ков, в трех милях от пещеры, и попробую узнать, как смотрят в деревне на похищение младенца. Кроме того, я думаю, что будет лучше в этот же день послать угрожающее письмо старику Дорсету с требованием выкупа и наказом, как именно следует его уплатить.

– Ты знаешь, Сэм, – говорит Билл, – я всегда был готов за тебя в огонь и воду, не моргнул глазом во время землетрясения, игры в покер, динамитных взрывов, полицейских облав, нападений на поезда и циклонов. Я никогда ничего не боялся, пока мы не украли эту двуногую ракету. Он меня доконал. Ты ведь не оставишь меня с ним надолго, Сэм?

– Я вернусь к вечеру, что-нибудь около этого, – говорю я. – Твое дело занимать и успокаивать ребенка, пока я не вернусь. А сейчас мы с тобой напишем письмо старику Дорсету.

Мы с Биллом взяли бумагу и карандаш и стали сочинять письмо, а Вождь Краснокожих тем временем расхаживал взад и вперед, закутавшись в одеяло и охраняя вход в пещеру. Билл со слезами просил меня назначить выкуп в полторы тысячи долларов вместо двух.

– Я вовсе не пытаюсь унижить прославленную, с моральной точки зрения, родительскую любовь, но ведь мы имеем дело с людьми, а какой же человек нашел бы в себе силы заплатить две тысячи долларов за эту веснушчатую дикую кошку! Я согласен рискнуть: пускай будет полторы тысячи долларов. Разницу можешь отнести на мой счет.

Чтобы утешить Билла, я согласился, и мы с ним вместе состряпали такое письмо:

«Эбenezеру Дорсету, эсквайру.

Мы спрятали вашего мальчика в надежном месте, далеко от города. Не только вы, но даже самые ловкие сыщики напрасно будут его искать. Окончательные, единственные условия, на которых вы можете получить его обратно, следующие: мы требуем за его возвращение полторы тысячи долларов; деньги должны быть оставлены сегодня в полночь на том же месте и в той же коробочке, что и ваш ответ, – где именно, будет сказано ниже. Если вы согласны на эти условия, пришлите ответ в письменном виде с кем-нибудь одним к половине девятого. За бродом через Совиный ручей по дороге к Тополевой роще растут три больших дерева на расстоянии ста ярдов одно от другого, у самой изгороди, что идет мимо пшеничного поля, с правой стороны. Под столбом этой изгороди, напротив третьего дерева, ваш посланный найдет небольшую картонную коробку.

Он должен положить ответ в эту коробку и немедленно вернуться в город.

Если вы попытаетесь выдать нас или не выполнить наших требований, как сказано, вы никогда больше не увидите вашего сына.

Если вы уплатите деньги, как сказано, он будет вам возвращен целым и невредимым в течение трех часов. Эти условия окончательны, и, если вы на них не согласитесь, всякие дальнейшие сообщения будут прерваны.

Два злодея».

Я надписал адрес Дорсета и положил письмо в карман. Когда я уже собрался в путь, мальчишка подходит ко мне и говорит:

– Змеиный Глаз, ты сказал, что мне можно играть в разведчика, пока тебя не будет.

– Играй, конечно, – говорю я. – Вот мистер Билл с тобой поиграет. А что это за игра такая?

– Я разведчик, – говорит Вождь Краснокожих, – и должен скакать на заставу, предупредить поселенцев, что индейцы идут. Мне надоело самому быть индейцем. Я хочу быть разведчиком.

– Ну ладно, – говорю я. – По-моему, вреда от этого не будет. Мистер Билл поможет тебе отразить нападение свирепых дикарей.

– А что мне надо делать? – спрашивает Билл, подозрительно глядя на мальчишку.

– Ты будешь конь, – говорит разведчик. – Становись на четвереньки. А то как же я доскачу до заставы без коня?

– Ты уж лучше займи его, – сказал я, – пока наш план не будет приведен в действие. Порезвись немножко.

Билл становится на четвереньки, и в глазах у него появляется такое выражение, как у кролика, попавшего в западню.

– Далеко ли до заставы, малыш? – спрашивает он до-вольно-таки хриплым голосом.

– Девяносто миль, – отвечает разведчик. – И тебе придется поторопиться, чтобы попасть туда вовремя. Ну, пошел!

Разведчик вскакивает Биллу на спину и вонзает пятки ему в бока.

– Ради бога, – говорит Билл, – возвращайся, Сэм, как можно скорее! Жалко, что мы назначили такой выкуп, надо бы не больше тысячи. Слушай, ты перестань меня лягать, а не то я встану и огрею тебя как следует!

Я отправился в Поплар-Ков, заглянул на почту и в лавку, посидел там, поговорил с фермерами, которые приходили за покупками. Один бородач слышал, будто бы весь город переполошился из-за того, что у Эбenezера Дорсета пропал или украден мальчишка. Это-то мне и нужно было знать. Я купил табаку, справился мимоходом, почем нынче горох, незаметно опустил письмо в ящик и ушел. Почт-мейстер сказал мне, что через час проедет мимо почтальон и заберет городскую почту.

Когда я вернулся в пещеру, ни Билла, ни мальчишки нигде не было видно. Я произвел разведку в окрестностях пещеры, отважился раза два аукнуть, но мне никто не ответил. Я закурил трубку и уселся на моховую кочку ожидать дальнейших событий.

Приблизительно через полчаса в кустах зашелестело, и Билл выкатился на полянку перед пещерой. За ним крался мальчишка, ступая бесшумно, как разведчик, и ухмылялся во всю ширь своей физиономии. Билл остановился, снял шляпу и вытер лицо красным платком. Мальчишка остановился футов в восьми позади него.

– Сэм, – говорит Билл, – пожалуй, ты сочтешь меня предателем, но я просто не мог терпеть. Я взрослый человек, способен к самозащите, и привычки у меня мужественные, однако бывают случаи, когда все идет прахом –

и самомнение и самообладание. Мальчик ушел. Я отослал его домой. Все кончено. Бывали мученики в старое время, которые скорее были готовы принять смерть, чем расстаться с любимой профессией. Но никто из них не подвергался таким сверхъестественным пыткам, как я. Мне хотелось остаться верным нашему грабительскому уставу, но сил не хватило.

– Что такое случилось, Билл? – спрашиваю я.

– Я проскакал все девяносто миль до заставы, ни дюймом меньше, – отвечает Билл. – Потом, когда поселенцы были спасены, мне дали овса. Песок – неважная замена овсу. А потом я битый час должен был объяснять, почему в дырках ничего нету, зачем дорога идет в обе стороны и отчего трава зеленая. Говорю тебе, Сэм, есть предел человеческому терпению. Хватаю мальчишку за шиворот и тащу с горы вниз. По дороге он меня лягает, все ноги от колен книзу у меня в синяках; два-три укуса в руку и в большой палец мне придется прижечь. Зато он ушел, – продолжает Билл, – ушел домой. Я показал ему дорогу в город, да еще и подшвырнул его пинком футов на восемь вперед. Жалко, что выкуп мы теряем, ну да ведь либо это, либо мне отправляться в сумасшедший дом.

Билл пыхтит и отдувается, но его ярко-розовая физиономия выражает неизъяснимый мир и полное довольство.

– Билл, – говорю я, – у вас в семье ведь нет сердечных болезней?

– Нет, – говорит Билл, – ничего такого хронического, кроме малярии и несчастных случаев. А что?

– Тогда можешь обернуться, – говорю я, – и поглядеть, что у тебя за спиной.

Билл оборачивается, видит мальчишку, разом бледнеет, плюхается на землю и начинает бессмысленно хвататься за траву и мелкие щепочки. Целый час я опасался за его рассудок. После этого я сказал ему, что, по-моему, надо кончать это дело моментально и что мы успеем получить

выкуп и смыться еще до полуночи, если старик Дорсет согласится на наше предложение. Так что Билл немного подбодрился, настолько даже, что через силу улыбнулся мальчишке и пообещал ему изображать русских в войне с японцами, как только ему станет чуточку полегче.

Я придумал, как получить выкуп без всякого риска быть захваченным противной стороной, и мой план одобрил бы всякий профессиональный похититель. Дерево, под которое должны были положить ответ, а потом и деньги, стояло у самой дороги; вдоль дороги была изгородь, а за ней с обеих сторон – большие голые поля. Если бы того, кто придет за письмом, подстерегала шайка констеблей, его увидели бы издали на дороге или посреди поля. Так нет же, голубчики! В половине девятого я уже сидел на этом дереве, спрятавшись не хуже древесной лягушки, и поджидал, когда появится посланный.

Ровно в назначенный час подъезжает на велосипеде мальчишка-подросток, находит картонную коробку под столбом, засовывает в нее сложенную бумажку и укатывает обратно в город.

Я подождал еще час, пока не уверился, что подвоха тут нет. Слез с дерева, достал записку из коробки, прокрался вдоль изгороди до самого леса и через полчаса был уже в пещере. Там я вскрыл записку, подсел поближе к фонарю и прочел ее Биллу. Она была написана чернилами, очень неразборчиво, и самая суть ее заключалась в следующем:

«Двум злодеям.

Джентльмены, с сегодняшней почтой я получил ваше письмо насчет выкупа, который вы просите за то, чтобы вернуть мне сына. Думаю, что вы запрашиваете лишнее, а потому делаю вам со своей стороны контрпредложение и полагаю, что вы его примете. Вы приводите Джонни домой и платите мне двести пятьдесят долларов наличными, а я соглашаюсь взять его у вас с рук долой. Лучше прихо-

дите ночью, а то соседи думают, что он пропал без вести, и я не отвечаю за то, что они сделают с человеком, который приведет Джонни домой.

С совершенным почтением Эбенезер Дорсет».

– Великие пираты! – говорю я. – Да ведь этакой наглости...

Но тут я взглянул на Билла и замолчал. У него в глазах я заметил такое умоляющее выражение, какого не видел прежде ни у бессловесных, ни у говорящих животных.

– Сэм, – говорит он, – что такое двести пятьдесят долларов в конце концов? Деньги у нас есть. Еще одна ночь с этим мальчишкой, и придется меня свезти в сумасшедший дом. Кроме того, что мистер Дорсет настоящий джентльмен, он, по-моему, еще и расточитель, если делает нам такое великодушное предложение. Ведь ты не собираешься упускать такой случай, а?

– Сказать тебе по правде, Билл, – говорю я, – это со-
кровище что-то и мне действует на нервы! Мы отвезем его
домой, заплатим выкуп и смоемся куда-нибудь подальше.

В ту же ночь мы отвезли мальчишку домой. Мы его
уговорили – наплели, будто бы отец купил ему винтовку с
серебряной насечкой и мокасины и будто бы завтра мы с
ним поедем охотиться на медведя.

Было ровно двенадцать часов ночи, когда мы посту-
чили в парадную дверь Эбenezера. Как раз в ту самую мину-
ту, когда я должен был извлекать полторы тысячи долла-
ров из коробки под деревом, Билл отсчитывал двести
пятьдесят долларов в руку Дорсету.

Как только мальчишка обнаружил, что мы собираемся
оставить его дома, он поднял вой не хуже паровой сире-
ны и вцепился в ногу Билла, словно пиявка. Отец отди-
рал его от ноги, как липкий пластырь.

– Сколько времени вы сможете его держать? – спра-
шивает Билл.

– Силы у меня уж не те, что прежде, – говорит старик
Дорсет, – но думаю, что за десять минут могу вам ручать-
ся.

– Этого довольно, – говорит Билл. – В десять минут я
пересеку Центральные, Южные и Среднезападные штаты
и свободно успею добежать до канадской границы.

Хотя ночь была очень темная, Билл очень толст, а я
умел очень быстро бегать, я нагнал его только в полугорах
милях от города.

САНАТОРИЙ НА РАНЧО

Если вы следите за хроникой ринга, вы легко припомните этот случай. В начале девяностых годов по ту сторону одной пограничной реки состоялась встреча чемпиона с претендентом на это звание, длившаяся всего минуту и несколько секунд.

Столь короткая схватка – большая редкость и форменное надувательство, так как она обманывает ожидания ценителей настоящего спорта. Репортеры постарались выжать из нее все возможное, но если отбросить то, что они присочинили, схватка выглядела до грусти неинтересной. Чемпион просто швырнул на пол свою жертву, повернулся к ней спиной и, проворчав: «Я знаю, что этот труп уже не встанет», протянул секунданту длинную, как мачта, руку, чтобы он снял с нее перчатку.

Этим и объясняется то обстоятельство, что на следующее утро, едва забрезжил рассвет, полный пассажирский комплект донельзя раздосадованных джентльменов в модных жилетах и буйно пестрых галстуках высыпал из пульмановского вагона на вокзале в Сан-Антонио. Этим же объясняется отчасти и то плачевное положение, в котором оказался Сверчок Мак-Гайр, когда он выскочил из вагона и повалился на платформу, раздираемый на части сухим, лающим кашлем, столь привычным для слуха обитателей Сан-Антонио. Случилось, что в это же самое время Кэртис Рейдлер, скотовод из округа Нуэсес, – да будет над ним благословение Божие! – проходил по платформе в бледных лучах утренней зари.

Скотовод поднялся спозаранку, так как спешил домой и хотел захватить поезд, отходивший на юг. Остановившись возле незадачливого покровителя спорта, он произнес участливо, с характерным для техасца тягучим акцентом:

– Что, худо тебе, бедняжка?

Сверчок Мак-Гайр – бывший боксер веса пера, жокей, жучок, специалист в три листика и завсегдай баров и спортивных клубов – воинственно вскинул глаза на человека, обозвавшего его «бедняжкой».

– Катись, Телеграфный Столб, – прохрипел он. – Я не звонил.

Новый приступ кашля начал выворачивать его наизнанку, и, обессиленный, он привалился к багажной тележке. Рейдлер терпеливо ждал, пока пройдет кашель, поглядывая на белые шляпы, короткие пальто и толстые сигары, загромоздившие платформу.

– Ты, верно, с Севера, сынок? – спросил он, когда кашель стал утихать. – Ездил поглядеть на бокс?

– Бокс! – фыркнул Мак-Гайр. – Игра в пятнашки! Дал ему раза и уложил на пол быстрее, чем врач укладывает больного в могилу. Бокс! – Он поперхнулся, закашлялся и

продолжал, не столько адресуясь к скотоводу, сколько стремясь отвести душу: – Верный выигрыш! Нет уж, больше меня на эту удочку не поймаешь. А ведь на такую приманку клюнул бы и сам Рокфеллер. Пять против одного, что этот парень из Корка не продержится трех раундов, – вот же я на что ставил! Все вложил, до последнего цента, и уже чуял запах опилок в этом ночном кабаке на Тридцать седьмой улице, который я сторговал у Джима Дилэни. И вдруг... Ну, скажите хоть вы, Телеграфный Столб, каким нужно быть обормотом, чтобы всадить свое последнее достояние в одну встречу двух остолопов?

– Что верно, то верно, – сказал могучий скотовод. – Особенно если денежки-то ухнули. А тебе, сынок, лучше бы пойти в гостиницу. Это скверный кашель. Легкие?

– Да, нелегкая их возьми! – последовал исчерпывающий ответ. – Заполучил удовольствие. Старый филин сказал, что я протяну еще с полгода, а может, и с год, если перемену аллюр и буду держать себя в узде. Вот я и хотел осесть где-нибудь и взяться за ум. Может, я потому и рискнул на пять против одного. У меня была припасена железная тысяча долларов. В случае выигрыша кафе Дилэни перешло бы ко мне. Ну кто мог думать, что эту дубину уложат в первом же раунде?

– Да, не повезло тебе, – сказал Рейддер, глядя на миниатюрную фигурку Мак-Гайра, прислонившуюся к тележке. – А сейчас, сынок, пойдика ты в гостиницу и отдохни. Здесь есть «Менджер», и «Маверик», и...

– И «Пятая авеню», и «Уолдорф-Астория», – переразнил его Мак-Гайр. – Вы что, не слышали? Я прогорел. У меня нет ничего, кроме этих штанов и одной монеты в десять центов. Может, мне было бы полезно отправиться в Европу или совершить путешествие на собственной яхте?.. Эй, газету!

Он бросил десять центов мальчишке-газетчику, схватил «Экспресс» и, примостившись поудобнее к тележке,

погрузился в отчет о своем Ватерлоо, раздутым по мере сил изобретательной прессой.

Кэртис Рейдлер поглядел на свои огромные золотые часы и тронул Мак-Гайра за плечо.

– Пойдем, сынок, – сказал он. – Осталось три минуты до поезда.

Сарказм, по-видимому, был у Мак-Гайра в крови.

– Вы что, видели, как я сорвал банк в железку или выиграл пари, после того как минуту назад я сказал вам, что у меня нет ни гроша? Ступайте своей дорогой, приятель.

– Ты поедешь со мной на мое ранчо и будешь жить там, пока не поправишься, – сказал скотовод. – Через полгода ты забудешь про свою хворь, малыш. – Одной рукой он приподнял Мак-Гайра и повлек его к поезду.

– А чем я буду платить? – спросил Мак-Гайр, делая слабые попытки освободиться.

– Платить? За что? – удивился Рейдлер.

Они озадаченно уставились друг на друга. Мысли их вертелись, как шестеренки конической зубчатой передачи, – у каждого вокруг своей оси и в противоположных направлениях.

Пассажиры поезда, идущего на юг, с любопытством поглядывали на эту пару, дивясь столь редкостному сочетанию противоположностей. Мак-Гайр был ростом пять футов один дюйм. По внешности он мог оказаться уроженцем Дублина, а быть может, и Иокогамы. Острый взгляд, острые скулы и подбородок, шрамы на костлявом дерзком лице, сухое жилистое тело, побывавшее во многих переделках, – этот парень, задиристый с виду, как шершень, не был явлением новым или необычным в этих краях. Рейдлер вырос на другой почве. Шести футов двух дюймов росту и необъятной ширины в плечах, он был, что называется, душа нараспашку, Запад и Юг соединились в нем. Представители этого типа еще мало воспроизводились на полотне, ибо наши картинные галереи миниатюр-

ны, а кинематограф пока не получил распространения в Техасе. Достоинственно запечатлеть образ такой детины, как Рейдлер, могла бы, пожалуй, только фреска – нечто огромное, спокойное, простое и не заключенное в раму.

Экспресс мчал их на юг. Зеленые просторы прерий наступали на леса, дробя их, превращая в разбросанные на широком пространстве темные купы деревьев. Это была страна ранчо, владения коровьих королей.

Мак-Гайр сидел, забившись в угол, и с острым недоверием прислушивался к словам скотовода. Какую штуку задумал сыграть с ним этот здоровенный старичина, который тащит его неизвестно куда? То, что им руководит бескорыстное участие, меньше всего могло прийти Мак-Гайру на ум. «Он не фермер, – рассуждал пленник, – да и на жулика не похож. Что ж это за птица? Ну, гляди в оба, Сверчок, – не крапленая ли у него колода? Теперь уж хочешь не хочешь, а деваться некуда. У тебя скоротечная чахотка и пять центов в кармане, так что сиди тихо. Сиди тихо и гляди, что он там замышляет».

В Ринконе, в ста милях от Сан-Антонио, они сошли с поезда и пересели в таратайку, которая ждала Рейдлера на станции, после чего покрыли еще тридцать миль, прежде чем добрались до места своего назначения. Именно эта часть путешествия могла бы, казалось, открыть подозрительному Мак-Гайру глаза на подлинный смысл его пленения. Они катили на бархатных колесах по ликующему раздолью саванны. Пара резвых испанских лошадок бежала ровной, неутомимой рысцей, порой по собственному почину пускаясь вскачь. Воздух пьянил, как вино, и освежал, как сельтерская, и с каждым глотком его путешественники вдыхали нежное благоухание полевых цветов. Дорога понемногу затерялась в траве, и таратайка поплыла по зеленым степным бурунам, направляемая опытной рукой Рейдлера, которому каждая едва приметная рощица, мелькнувшая вдали, служила знакомой вехой, каждый

мягкий изгиб холмов на горизонте указывал направление и отмечал расстояние. Но Мак-Гайр, откинувшись на сиденье, с угрюмым недоверием внимал скотоводу и не видел вокруг себя ничего, кроме безлюдной пустыни.

«Что он замышляет? – тяготила его неотвязная мысль. – Какую аферу обмозговал этот верзила?» Среди необозримых просторов, ограниченных только линией горизонта да четвертым измерением, Мак-Гайр подходил к людям с меркой жителя тесных городских кварталов.

Неделей раньше, проезжая верхом по прерии, Рейдлер наткнулся на больного теленка, который жалобно мычал, отбившись от стада. Не спешиваясь, Рейдлер нагнулся, перебросил через седло этого горемыку и передал на попечение своих ковбоев на ранчо. Откуда было Мак-Гайру знать, – да и как бы вместилось это в его сознание, – что он в глазах Рейдлера был примерно то же, что этот теленок, – больное, беспомощное создание, нуждавшееся в чьей-то заботе. Рейдлер увидел, что он может помочь, и этого было для него достаточно. С его точки зрения, все это было вполне логично, а значит, и правильно. Мак-Гайр был седьмым по счету недужным, которого Рейдлер случайно подобрал в Сан-Антонио, куда в погоне за озоном, застревающим якобы в его узких улочках, тысячами стекаются больные чахоткой. Пятеро из его гостей жили на ранчо Солито, пока не выздоровели или не окрепли и со слезами благодарности на глазах распростились с гостеприимным хозяином. Шестой попал сюда слишком поздно, но, отмучившись, обрел в конце концов вечный покой в тихом углу сада под раскидистым деревом.

Поэтому никто на ранчо не был удивлен, когда таратайка подкатила к крыльцу и Рейдлер извлек оттуда своего больного протеже, подняв его, словно узел тряпья, и водворил на веранду.

Мак-Гайр окинул взглядом непривычную для него картину. Дом на ранчо Солито считался лучшим в округе. Он

был сложен из кирпича, привезенного сюда на лошадях за сотню миль, но имел всего один этаж, в котором размещались четыре комнаты, окруженные верандой с земляным полом, носившей название галерейки.

Пестрый ассортимент лошадей, собак, седел, повозок, ружей и всевозможных принадлежностей ковбойского обихода поразил столичное око прогоревшего спортсмена.

– Вот мы и дома, – весело сказал Рейдлер.

– Ну и чертова же дыра! – выпалил Мак-Гайр и покатился на пол веранды в судорожном приступе кашля.

– Мы постараемся устроить тебя поудобнее, сынок, – мягко сказал хозяин. – В доме-то у нас, конечно, не шикарно, но зато на воле хорошо, а для тебя ведь это самое главное. Вот твоя комната. Что понадобится – спрашивай, не стесняйся.

Рейдлер ввел Мак-Гайра в комнату, расположенную на восточной стороне дома. Незастеленный пол был чисто вымыт. Свежий ветерок колыхал белые занавески на окнах. Большое плетеное кресло-качалка, два простых стула и длинный стол, заваленный газетами, трубками, табаком, шпорами и ружейными патронами, стояли в центре комнаты. Несколько хорошо выделанных оленьих голов и одна огромная черная кабанья смотрели со стен. В углу помещалась широкая парусиновая складная кровать. В глазах всех окрестных жителей комната для гостей на ранчо Солито была резиденцией, достойной принца. Мак-Гайр при виде ее широко осклабился. Он вытащил из кармана свои пять центов и подбросил их в потолок.

– Вы думали, я вру насчет денег? Вот, можете теперь меня обыскать, если вам угодно. Это было последнее из моих сокровищ. Ну, кто будет платить?

Ясные серые глаза Рейдлера твердо взглянули из-под седеющих бровей прямо в черные бусинки глаз Мак-Гайра. Немного помолчав, он сказал просто, без гнева:

– Ты меня очень обяжешь, сынок, если не будешь больше поминать о деньгах. Раз сказал – и хватит. Я не беру со своих гостей платы, да они обычно и не предлагают мне ее. Ужин будет готов через полчаса. Вот тут вода в кувшине, а в том, красном, что висит на галерейке, – похолоднее, для питья.

– А где звонок? – озираясь по сторонам, спросил Мак-Гайр.

– Звонок? А для чего?

– Звонить. Когда что-нибудь понадобится. Я же не могу... Послушайте, вы! – закричал он вдруг, охваченный бессильной злобой. – Я не просил вас тащить меня сюда! Я не клянчил у вас денег! Я не старался разжалобить вас – вы сами ко мне пристали! Я болен! Я не могу двигаться! А тут за пятьдесят миль кругом ни коридорного, ни коктейля! О черт! Как я влип! – И Мак-Гайр повалился на койку и судорожно разрыдался.

Рейдлер подошел к двери и позвал слугу. Стройный краснощекий мексиканец лет двадцати быстро вошел в комнату. Рейдлер заговорил с ним по-испански.

– Иларио, помнится, я обещал тебе с осени место *vaquero*¹ в лагере Сан-Карлос?

– Si, Señor, такая была ваша милость.

– Ну, слушай. Этот *Senorito* – мой друг. Он очень болен. Будешь ему прислуживать. Находишься неотлучно при нем, исполняй все его распоряжения. Тут нужна забота, Иларио, и терпение. А когда он поправится или... а когда он поправится, я сделаю тебя не *vaquero*, а *mayordomo*² на ранчо де ля Пьедрас. *Esta bueno*³?

– Si, si, mil gracias, Señor!⁴ – Иларио в знак благодарности хотел было опуститься на одно колено, но Рейдлер шутливо пнул его ногой, проворчав:

– Ну, ну, без балетных номеров...

Десять минут спустя Иларио, покинув комнату Мак-Гайра, предстал перед Рейдлером.

– Маленький Señor, – заявил он, – шлет вам поклон (Рейдлер отнес это вступление за счет любезности Иларио) и просит передать, что ему нужен колотый лед, горячая ванна, гренки, одна порция джина с сельтерской, закрыть все окна, позвать парикмахера, одна пачка сигарет, «Нью-Йорк геральд» и отправить телеграмму.

Рейдлер достал из своего аптечного шкафчика бутылку виски.

– Вот, отнеси ему, – сказал он.

Так на ранчо Солито установился режим террора. Первые недели Мак-Гайр хвастал напропалую и страшно заносился перед ковбоями, которые съезжались с самых отдаленных пастбищ поглядеть на последнее приобретение

¹ Пастух, объездчик (исп.)

² Старший объездчик (исп.).

³ Хорошо? (исп.)

⁴ Да, да, спасибо, сеньор (исп.).

Рейдлера. Мак-Гайр был совершенно новым для них явлением. Он посвящал их в различные тонкости боксерского искусства, щеголяя хитроумными приемами защиты и нападения. Он раскрывал их изумленному взору всю изнанку жизни профессиональных спортсменов. Они без конца дивились его речи, пересыпанной жаргонными словечками, и забавлялись ею от души. Его жесты, его странные позы, откровенная дерзость его языка и принципов завораживали их. Он был для них существом из другого мира.

Как это ни странно, но тот новый мир, в который он сам попал, словно не существовал для него. Он был законченным эгоистом из мира кирпича и известки. Ему казалось, что судьба зашвырнула его куда-то в пустое пространство, где он не обнаружил ничего, кроме нескольких слушателей, готовых внимать его хвастливым реминисценциям. Ни безграничные просторы залитых солнцем прерий, ни величавая тишина звездных ночей не тронули его души. Все самые яркие краски Авроры не могли оторвать его от розовых страниц спортивного журнала. Прожить нашармака – было его девизом, кабака на Тридцать седьмой – венцом его стремлений.

Месяца через два он начал жаловаться, что здоровье его ухудшилось. С этого момента он стал бичом, чумой, кошмаром ранчо Солито. Словно какой-то злой гном или капризная женщина, сидел он в своем углу, хныча, скуля, обвиняя и проклиная. Все его жалобы звучали на один лад: его против воли ввергли в эту геенну огненную, где он гибнет от отсутствия ухода и комфорта. Однако вопреки его отчаянным воплям, что ему якобы день ото дня становится хуже, с виду он нисколько не изменился. Все тот же дьявольский огонек горел в черных бусинках его глаз, голос его звучал все так же резко, тощее лицо – кости, обтянутые кожей, – достигнув предела худобы, уже не могло отощать больше. Лихорадочный румянец, вспы-

хивавший по вечерам на его торчащих скулах, наводил на мысль о том, что термометр мог бы, вероятно, зафиксировать болезненное состояние, а выслушивание – установить, что Мак-Гайр дышит только одним легким, но внешний облик его не изменился ни на йоту.

Иларио бессменно прислуживал ему. Обещанное повышение в чине, как видно, было для юноши большой приманкой, ибо горше горького стало его существование при Мак-Гайре. По распоряжению больного все окна в комнате были наглухо закрыты, шторы спущены и всякий доступ свежего воздуха прекращен. Так Мак-Гайр лишал себя своей единственной надежды на спасение. В комнате нельзя было продохнуть от едкого табачного дыма. Кто бы ни зашел к Мак-Гайру, должен был сидеть, задыхаясь в дыму, и слушать, как этот бесенок хвастает напропалую своей скандальной карьерой.

Но всего удивительнее были отношения, установившиеся у Мак-Гайра с хозяином дома. Больной третирует своего благодетеля, как своенравный, избалованный ребенок третирует не в меру снисходительного отца. Когда Рейдлер отлучался из дома, на Мак-Гайра нападала хандра и он замыкался в угрюмом молчании. Но стоило Рейдлеру переступить порог, и Мак-Гайр набрасывался на него с самими колкими, язвительными упреками. Поведение Рейдлера по отношению к своему подопечному было в такой же мере непостижимо.

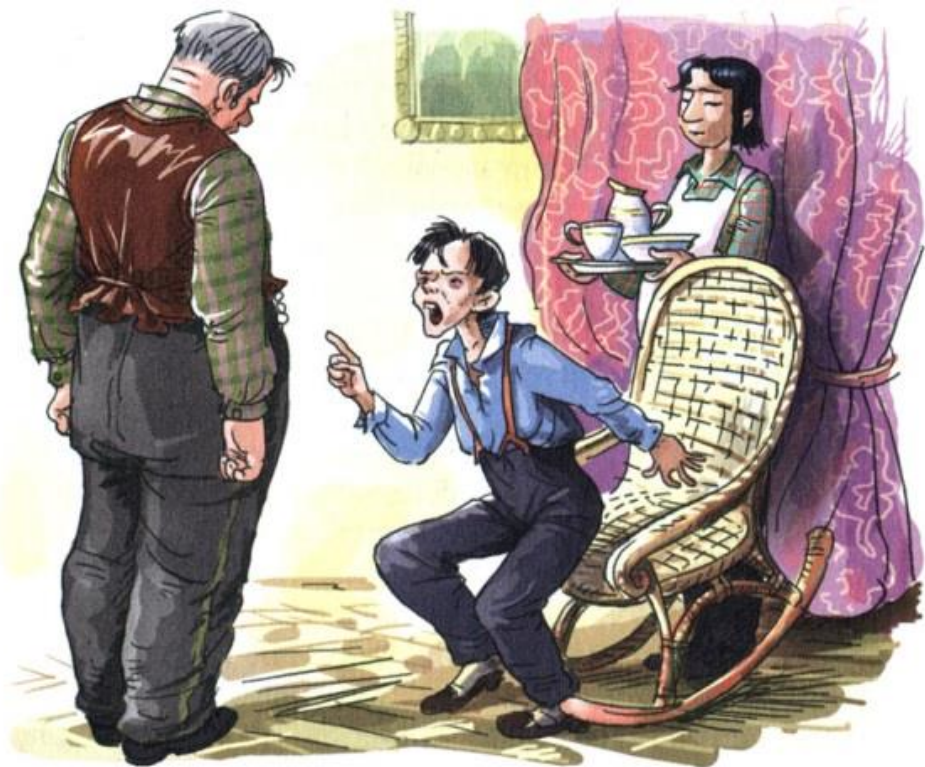
Рейдлер, казалось, и сам поверил во все те страшные обвинения, которыми осыпал его Мак-Гайр, и чувствовал себя жестоким угнетателем и тираном. Он, очевидно, считал себя целиком ответственным за состояние здоровья своего гостя и с покаянным видом терпеливо и смиренно выслушивал все его нападки.

Как-то раз Рейдлер сказал Мак-Гайру:

– Попробуй больше бывать на воздухе, сынок. Бери мою таратайку и катайся хоть каждый день. А то поживи

недельку-другую с ребятами на выгоне. Я бы тебя там неплохо устроил. На свежем воздухе да к земле поближе – это бы живо поставило тебя на ноги. Я знал одного парня из Филадельфии – еще хуже болел, чем ты, а как случилось ему заблудиться на Гвадалупе и две недели прожить на овечьем пастбище да поспать на голой земле, так сразу пошел на поправку. Воздух да земля – целебная штука. А то покатайся верхом. У меня есть смиренная лошадка...

– Что я вам сделал? – взвизгнул Мак-Гайр. – Разве я вам втирал очки? Заставлял вас привозить меня сюда? Просил об этом? А теперь – катись на выгон? Да уж пырнули бы просто ножом, чего там канитель разводить! Скачи верхом! А я ног не таскаю! Понятно? Пятилетний ребенок надает мне тумачков – я и то не смогу увернуться. А все ваше проклятое ранчо – это оно меня доконало. Здесь нечего есть, не на что глядеть, не с кем говорить, кроме орды троглодитов, которые не отличат боксерской груши от салата из омаров!

– У нас тут, правда, скучновато, – смущенно оправдывался Рейдлер. – Всего вдоволь, но все простое. Ну, да если что нужно, пошлем ребят, они привезут из города.

Чэд Мерчисон, ковбой из лагеря Серкл Бар, первый высказал предположение, что Мак-Гайр – притворщик и симулянт. Чэд привез для него корзину винограда за тридцать миль, привязав ее к луке седла и дав четыре мили крюку. Побыв немного в накуренной комнате, он вышел оттуда и без обиняков выложил свои подозрения хозяину.

– Рука у него – тверже алмаза, – сказал Чэд. – Когда он познакомил меня с «прямым коротким в солнечное заплетение», так я думал, что меня мустанг лягнул. Малый бесовестно надувает вас, Кэрт. Он такой же хворый, как я. стыдно сказать, но этот недоносок просто водит нас за нос, чтоб пожить здесь на даровщинку.

Однако прямодушный скотовод пропустил мимо ушей разоблачения Чэда, и если несколько дней спустя он подверг Мак-Гайра медицинскому осмотру, это было сделано без всякой задней мысли.

Как-то в полдень двое людей подъехали к ранчо, вылезли из повозки, привязали лошадей, зашли в дом и остались отобедать: всякий считает себя раз и навсегда приглашенным к столу – таков обычай этого края. Один из приезжих оказался медицинским светилом из Сан-Антонио, чьи дорогостоящие советы потребовались какому-то коровьему магнату, угодившему под шальную пулю. Теперь доктора везли на станцию, где он должен был сесть на поезд. После обеда Рейдлер отозвал его в сторонку и, тыча двадцатидолларовую бумажку ему в руку, сказал:

– Доктор, не откажитесь посмотреть одного паренька – он тут, в соседней комнате. Боюсь, что у него чахотка в последней стадии. Мне бы хотелось узнать, очень ли он плох и что мы можем для него сделать.

– Сколько я вам должен за обед, которым вы меня уго-

стили? – проворчал доктор, взглядывая поверх очков на хозяина.

Рейдлер сунул свои двадцать долларов обратно в карман. Доктор без замедления проследовал в комнату к Мак-Гайру, а скотовод опустился на кучу седел, наваленную на углу галерейки, и приготовился проклясть себя, если медицинское заключение окажется неблагоприятным.

Через несколько минут доктор бодрым шагом вышел из комнаты Мак-Гайра.

– Ваш малый, – сказал он Рейдлеру, – здоровее меня. Легкие у него чисты, как только что отпечатанный доллар. Пульс нормальный, температура и дыхание – тоже. Выдох – четыре дюйма. Ни малейших признаков заболевания. Конечно, я не делал бактериологического анализа, но ручаюсь, что туберкулезных бацилл у него нет. Можете поставить мое имя под диагнозом. Даже табак и спертый воздух ему не повредили. Он кашляет? Так скажите ему, что это необязательно. Вас интересует, что можно для него сделать? Мой совет – пошлите его ставить телеграфные столбы или объезжать мустангов. Ну, наши лошади готовы. Счастливо оставаться, сэр. – И, как порыв живительного освежающего ветра, доктор помчался дальше.

Рейдлер сорвал листок с мескитового куста у перил и принялся задумчиво жевать его.

Приближался сезон клеймения скота, и на следующее утро Росс Харгис, старший загонщик, собрал во дворе ранчо два с половиной десятка своих ребят, чтобы отбыть с ними в лагерь Сан-Карлос, где должны были начаться работы. В шесть часов лошади были оседланы, провизия погружена в фургон, и ковбои один за другим уже вскакивали в седла, когда Рейдлер попросил их немного обождать. Мальчик-конюх подвел к воротам еще одну взнузданную и оседланную лошадь. Рейдлер направился к комнате Мак-Гайра и широко распахнул дверь. Мак-Гайр, не одетый, лежал на койке и курил.

– Подымайся! – сказал скотовод, и голос его прозвучал отчетливо и резко, как медь охотничьего рога.

– Что такое? – оторопело спросил Мак-Гайр.

– Вставай и одевайся. Я бы мог терпеть в своем доме гремучую змею, но обманщику здесь не место. Ну! Сколько раз повторять! – Схватив Мак-Гайра за шиворот, он стащил его с постели.

– Послушайте, приятель! – в бешенстве вскричал Мак-Гайр. – Вы что – белены объелись? Я же болен – не видите, что ли? Я подохну, если сдвинусь с места! Что я вам сделал? Разве я просил?.. – захныкал он было на привычный лад.

– Одевайся! – сказал Рейдлер, повысив голос.

Путаясь в одежде, бормоча ругательства и не сводя изумленного взора с грозной фигуры разъяренного скотовода, Мак-Гайр кое-как, дрожащими руками, натянул на себя штаны и рубаху. Рейдлер снова схватил его за шиворот и поволок через двор к привязанной у ворот лошади. Ковбои покачнулись в седлах, разинув рты.

– Возьми с собой этого малого, – сказал Рейдлер Россу Харгису, – и приставь его к работе. Пусть работает, как надо, спит, где придется, и ест, что дадут. Вы знаете, ребята, – я делал для него все, что мог, и делал от души. Вчера лучший доктор из Сан-Антонио осмотрел его и сказал, что легкие у него как у мула, и вообще он здоров как бык. Словом, поручаю его тебе, Росс.

Росс Харгис только хмуро улыбнулся в ответ.

– Вот оно что! – протянул Мак-Гайр, с какой-то странной усмешкой глядя на Рейдлера. – Так старый филин сказал, что я здоров? Он сказал, что я симулянт, так, что ли? А вы, значит, подослали его ко мне? Вы думали, что я прикидываюсь? Я, по-вашему, обманщик. Послушайте, приятель, я часто был груб, я знаю, но ведь это только так... Если бы вы побывали хоть раз в моей шкуре... Да, я позабыл... Я же здоров... Так сказал старый филин. Ладно, дружище, я отработаю вам. Вот когда вы со мной посчитались!

Легко, как птица, он взлетел в седло, схватил хлыст, положенный на луку, и стегнул коня. Сверчок, который на скачках в Хоторне привел когда-то Мальчика первым к финишу, повысив выдачу до десяти к одному, снова вдел ногу в стремя.

Мак-Гайр был впереди, когда кавалькада, вылетев за ворота, взяла направление на Сан-Карлос, и вдогонку ему неслось одобрительное гиканье ковбоев, скакавших в поднятых им клубах пыли.

Но, не покрыв и мили, он стал отставать и уже плелся в хвосте, когда всадники, миновав выгоны, продолжали путь среди высоких зарослей чапаррала. Заехав в чашу, он натянул поводья и, вытащив платок, прижал его к губам. Платок окрасился алой кровью. Он забросил его в колючие кусты и, прохрипев своему удивленному коню «каться!», поскакал следом за ковбоями.

Вечером Рейдлер получил письмо из своего родного

городка в Алабаме. Умер один из его родственников, и Рейдлера просили приехать, чтобы принять участие в дележе наследства. На рассвете он уже катил в своей таратайке по прерии, спеша на станцию.

Домой он возвратился только через два месяца. Усадьба опустела – он застал там одного Иларио, который в его отсутствие присматривал за домом. Юноша стал рассказывать ему, как шли дела, пока хозяин был в отлучке. С клеймением скота еще не управились, сказал он. Было много ураганов, скот разбежался, и клеймение подвигается туго. Лагерь сейчас в долине Гвадалупы – в двадцати милях от усадьбы.

– Да, между прочим, – сказал Рейдлер, внезапно припомнив что-то. – Как этот парень, которого я отправил с ребятами в лагерь, Мак-Гайр? Работает он?

– Не знаю, – отвечал Иларио. – Ковбои редко заглядывают теперь на ранчо. Очень много хлопот с молодыми телятами. Нет, ничего про него не слышал. Верно, его уже давно нет в живых.

– Что ты мелешь! – сказал Рейдлер. – Как это – нет в живых?

– Очень, очень он был плох, этот Мак-Гайр, – сказал Иларио, пожимая плечами. – Я знал, что ему не прожить и месяца, когда он уезжал отсюда.

– Вздор! – проворчал Рейдлер. – Я вижу, он и тебя одурачил. Доктор осмотрел его и сказал, что он здоров, как мескитовая коряга.

– Это он так сказал? – спросил Иларио, ухмыляясь. – Этот доктор даже не видел его.

– Говори толком! – приказал Рейдлер. – Какого черта ты меня морочишь?

– Мак-Гайр, – спокойно сказал Иларио, – пил воду на галерейке, когда этот доктор прибежал в комнату. Он сразу схватил *меня* и давай стучать по мне пальцами – вот тут стучал и тут. – Иларио показал на грудь. – Я так и не по-

нял зачем. Потом он стал прикладываться ухом и все что-то слушал. Вот тут слушал и тут. А зачем? Потом достал какую-то стеклянную палочку и сунул мне в рот. Потом схватил меня за руку и начал ее щупать – вот так. И еще велел мне считать тихим голосом двадцать, treinta, cuarenta⁵. Кто его знает, – закончил Иларио, в недоумении разводя руками, – зачем он все это делал? Может, хотел пошутить?

– Какие лошади дома? – только и спросил Рейдлер.

– Пайсано пасется за маленьким корралем, Senor.

– Оседлай его, живо!

Через несколько минут Рейдлер вскочил в седло и скрылся из виду. Пайсано, недаром названный в честь этой невзрачной с виду, но быстроногой птицы, мчал во весь опор, пожирая ленты дорог, как макароны. Через два часа с небольшим Рейдлер с невысокого холма увидел лагерь, раскинувшийся у излучины Гвадалупы. С замиранием сердца, страшась услышать самое худшее, он подъехал к лагерю, спешил и бросил поводья. В простоте душевной он уже считал себя в эту минуту убийцей Мак-Гайра.

В лагере не было ни души, кроме повара, который, поджидая ковбоев к ужину, раскладывал по тарелкам огромные куски жареной говядины и расставлял на столе железные кружки для кофе. Рейдлер не решился сразу задать терзавший его вопрос.

– Все благополучно в лагере, Пит? – неуверенно спросил он.

– Да так себе, – сдержанно отвечал Пит. – Два раза сидели без провизии. Ураган наделал бед – облазили все заросли за сорок миль вокруг, пока собрали скот. Мне нужен новый кофейник. Москиты в этом году совсем осатанели.

– А ребята как... все здоровы?

Пит не отличался оптимизмом. К тому же справляться

⁵ Тридцать, сорок (исп.).

о здоровье ковбоев было не только явно излишне, но граничило со слюнтяйством. Странно было слышать такой вопрос из уст хозяина.

– Тех, что остались, не приходится по два раза звать к столу, – проронил он наконец.

– Тех, что остались? – хрипло повторил Рейдлер. Он невольно оглянулся, ища глазами могилу Мак-Гайра. Ему уже мерещилась каменная белая плита, вроде той, что он видел недавно на кладбище в Алабаме. Но он тут же опомнился, сообразив, что это нелепо.

– Ну да, – сказал Пит. – Тех, что остались. В ковбойском лагере бывают перемены – за два-то месяца. Койкого уже нет.

Рейдлер собрался с духом:

– А этот парень, которого я прислал сюда, – Мак-Гайр... Он не...

– Слушайте, – перебил его Пит, подымаясь во весь рост с толстым ломтем кукурузного хлеба в каждой руке. – Как это у вас хватило совести прислать такого больного парнишку в ковбойский лагерь? Этому вашему доктору, который не мог распознать, что малый уже одной ногой стоит в могиле, надо бы спустить всю шкуру хорошей подпругой с медными пряжками. А уж и боевой же парень! Вы знаете, что он выкинул, – скандал, да и только! В первый же вечер ребята решили посвятить его в «ковбойские рыцари». Росс Харгис вытянул его разок кожаными гетрами, и как вы думаете, что сделал этот несчастный ребенок? Вскочил, чертенок эдакий, и вздул Росса Харгиса. Ну да, вздул Росса Харгиса. Всыпал ему как надо. Выдал ему крепко, хорошую порцию. Росс встал и тут же поплелся искать местечко, где бы снова прилечь. А этот Мак-Гайр отошел в сторонку, повалился лицом в траву и стал харкать кровью. Кровохарканье – так это и называется, передайте вашему коновалу. Восемнадцать часов по часам пролежал он так, и никто не мог сдвинуть его с ме-

ста. А потом Росс Харгис, который очень любит тех, кому удалось его вздуть, взялся за дело и проклял всех докторов от Гренландии до Китайландии. Вдвоем с Джонсоном Зеленой Веткой они перетащили Мак-Гайра в палатку и стали наперебой пичкать его сырым мясом и отпаивать виски.

Но у малого, как видно, не было охоты идти на поправку. Ночью он удрал из палатки и опять зарылся в траву, а тут еще дождь моросил. «Катитесь! – говорит он им. – Дайте мне спокойно помереть. Он сказал, что я обманщик и симулянт. Ну и отвяжитесь от меня!»

– Две недели провалялся он так, – продолжал повар, – словечка ни с кем не сказал, а потом...

Топот, подобный удару грома, сотряс воздух, и два десятка молодых кентавров, вылетев из зарослей, ворвались в лагерь.

– Пресвятые драконы и гремучие змеи! – заметавшись из стороны в сторону, возопил повар. – Ребята оторвут мне голову, если я не подам им ужин через три минуты.

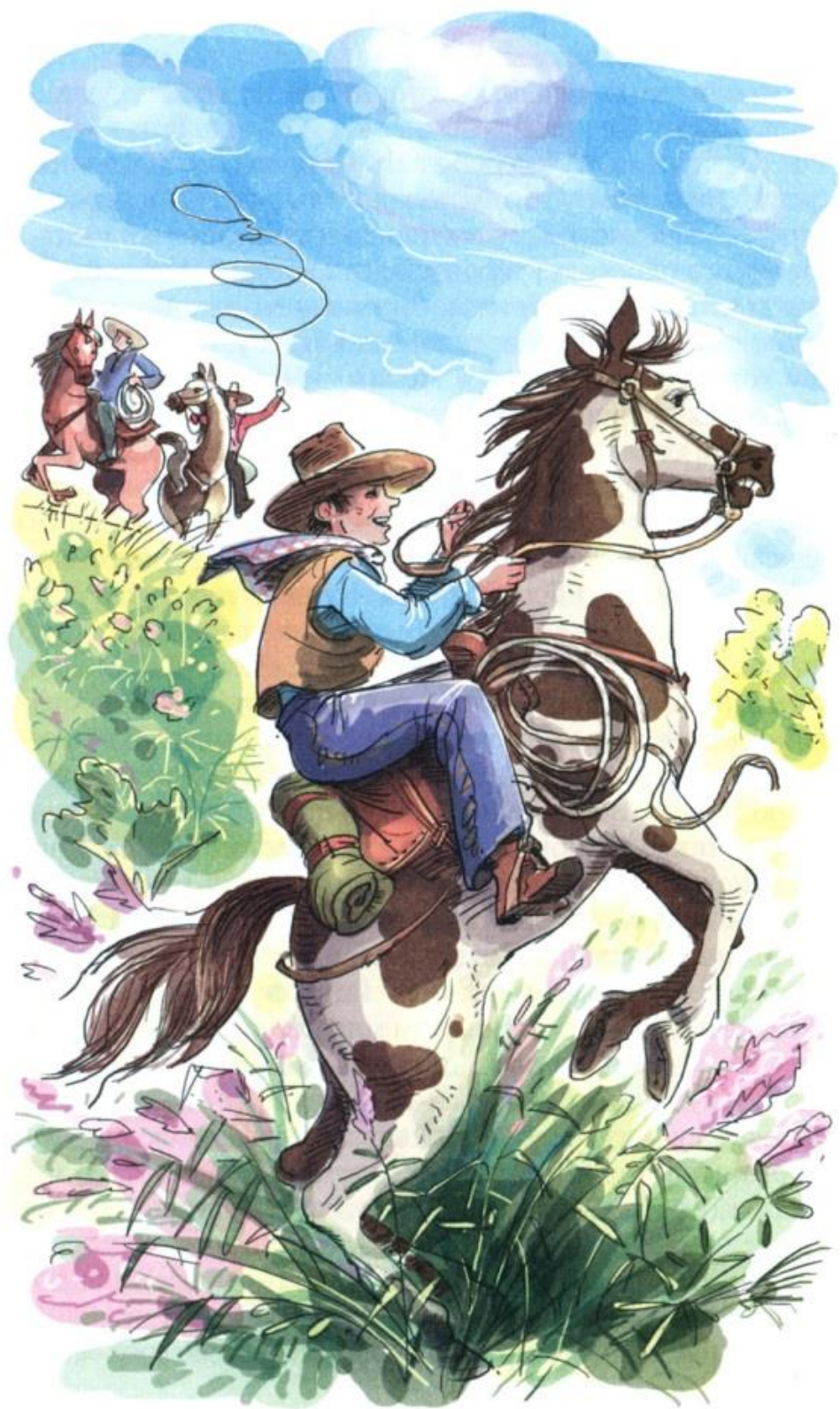
Но глаза Рейдлера были прикованы к маленькому загорелому пареньку, который, весело блестя зубами, соскочил с лошади у ярко горевшего костра. Он не был похож на Мак-Гайра, но все же...

Секунду спустя Рейдлер тряс ему руку, схватив другой рукой за плечо.

– Сынок, сынок, ну как ты? – с трудом выговорил он.

– Поближе к земле, вы говорили? – заорал Мак-Гайр, стиснув руку Рейдлера в стальном пожатии. – Я так и сделал – и вот, видите, здоров, и силы прибавилось. И понял, признаться, какого шута горохового я из себя разыгрывал. Спасибо, старина, что прогнали меня сюда! А здорово вышло со старым-то филином? Я видел в окно, как он выбивал зорю на груди у этого мексиканского парня.

– Что же ты молчал, собачья душа! – загремел скотовод. – Почему не сказал, что доктор тебя не осматривал?

– А, катитесь! Не морочьте мне голову, – проворчал Мак-Гайр, сразу ошетилившись, как бывало. – Вы меня разве спрашивали? Вы произнесли свою речь и вышвырнули меня вон, и я решил, что так тому и быть. Но знаете, приятель, эти скачки с коровами – здорово занятная штука. И ребята тут первый сорт – лучшая команда, с какой мне доводилось ездить. Вы мне разрешите остаться здесь, старина?

Рейдлер вопросительно посмотрел на Росса Харгиса.

– Этот паршивец, – нежно сказал Росс, – самый лихой загонщик на все ковбойские лагеря. А уж дерется так, что только держись.

ДАРЫ ВОЛХВОВ

Один доллар восемьдесят семь центов. Это было все. Из них шестьдесят центов монетками по одному центу. За каждую из этих монеток пришлось торговаться с бакалейщиком, зеленщиком, мясником так, что даже уши горели от безмолвного неодобрения, которое вызывала подобная бережливость. Делла пересчитала три раза. Один доллар восемьдесят семь центов. А завтра Рождество.

Единственное, что тут можно было сделать, это хлопнуться на старенькую кушетку и зареветь. Именно так Делла и поступила. Откуда напрашивается философский вывод, что жизнь состоит из слез, вздохов и улыбок, причем вздохи преобладают.

Пока хозяйка дома проходит все эти стадии, оглядим самый дом. Меблированная квартирка за восемь долларов

в неделю. В обстановке не то чтобы вопиющая нищета, но скорее красноречиво молчащая бедность. Внизу, на парадной двери, ящик для писем, в щель которого не протиснулось бы ни одно письмо, и кнопка электрического звонка, из которой ни одному смертному не удалось бы выдавить ни звука. К сему присовокуплялась карточка с надписью: «М-р Джеймс Диллингхем Юнг». «Диллингхем» развернулось во всю длину в недавний период благосостояния, когда обладатель указанного имени получал тридцать долларов в неделю. Теперь, после того как этот доход понизился до двадцати долларов, буквы в слове «Диллингхем» потускнели, словно не на шутку задумавшись: а не сократиться ли им в скромное и непритязательное «Д»? Но когда мистер Джеймс Диллингхем Юнг приходил домой и поднимался к себе на верхний этаж, его неизменно встречал возглас: «Джим!» – и нежные объятия миссис Джеймс Диллингхем Юнг, уже представленной вам под именем Деллы. А это, право же, очень мило.

Делла кончила плакать и прошла пуховкой по щекам. Она теперь стояла у окна и уныло глядела на серую кошку, прогуливавшуюся по серому забору вдоль серого двора. Завтра Рождество, а у нее только один доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Долгие месяцы она выгадывала буквально каждый цент, и вот все, чего она достигла. На двадцать долларов в неделю далеко не уедешь. Расходы оказались больше, чем она рассчитывала. С расходами всегда так бывает. Только доллар восемьдесят семь центов на подарок Джиму! Ее Джиму! Сколько радостных часов она провела, придумывая, что бы такое ему подарить к Рождеству. Что-нибудь совсем особенное, редкостное, драгоценное, что-нибудь хоть чуть-чуть достойное высокой чести принадлежать Джиму.

В простенке между окнами стояло трюмо. Вам никогда не приходилось смотреться в трюмо восьмидолларовой мебелированной квартиры? Очень худой и очень подвиж-

ной человек может, наблюдая последовательную смену отражений в его узких створках, составить себе довольно точное представление о собственной внешности. Делле, которая была хрупкого сложения, удалось овладеть этим искусством.

Она вдруг отскочила от окна и бросилась к зеркалу. Глаза ее сверкали, но с лица за двадцать секунд сбежали краски. Быстрым движением она вытащила шпильки и распустила волосы.

Надо вам сказать, что у четы Джеймс Диллингхем Юнг было два сокровища, составлявших предмет их гордости. Одно – золотые часы Джима, принадлежавшие его отцу и деду, другое – волосы Деллы. Если бы царица Савская проживала в доме напротив, Делла, помыв голову, непременно просушивала бы у окна распущенные волосы – специально для того, чтобы заставить померкнуть все наряды и украшения ее величества. Если бы царь Соломон служил в том же доме швейцаром и хранил в подвале все свои богатства, Джим, проходя мимо, всякий раз доставал бы часы из кармана – специально для того, чтобы увидеть, как он рвет на себе бороду от зависти.

И вот прекрасные волосы Деллы рассыпались, блестя и переливаясь, точно струи каштанового водопада. Они спускались ниже колен и плащом окутывали почти всю ее фигуру. Но она тотчас же, нервничая и торопясь, принялась снова подбирать их. Потом, словно заколебавшись, с минуту стояла неподвижно, и две или три слезинки упали на ветхий красный ковер.

Старенький коричневый жакет на плечи, старенькую коричневую шляпку на голову – и, взметнув юбками, сверкнув невысохшими блестками в глазах, она уже мчалась вниз, на улицу.

Вывеска, у которой она остановилась, гласила: «M-me Sophronie. Всевозможные изделия из волос». Делла взбежала на второй этаж и остановилась, с трудом переводя дух.

– Не купите ли вы мои волосы? – спросила она у мадам.

– Я покупаю волосы, – ответила мадам. – Снимите шляпу, надо посмотреть товар.

Снова заструился каштановый водопад.

– Двадцать долларов, – сказала мадам, привычно взвешивая на руке густую массу.

– Давайте скорее, – сказала Делла.

Следующие два часа пролетели на розовых крыльях – прошу прощения за избитую метафору. Делла рыскала по магазинам в поисках подарка для Джима.

Наконец она нашла. Без сомнения, это было создано для Джима, и только для него. Ничего подобного не нашлось в других магазинах, а уж она все в них перевернула вверх дном. Это была платиновая цепочка для карманных часов, простого и строгого рисунка, пленявшая истинными своими качествами, а не показным блеском, – такими и должны быть все хорошие вещи. Ее, пожалуй, даже можно было признать достойной часов.

Как только Делла увидела ее, она поняла, что цепочка должна принадлежать Джиму. Она была такая же, как сам Джим. Скромность и достоинство – эти качества отличали обоих. Двадцать один доллар пришлось уплатить в кассу, и Делла поспешила домой с восьмьюдесятью семью центами в кармане. При такой цепочке Джиму в любом обществе не зазорно будет поинтересоваться, который час. Как ни великолепны были его часы, а смотрел он на них часто украдкой, потому что они висели на дрянном кожаном ремешке.

Дома оживление Деллы поулеглось и уступило место предусмотрительности и расчету. Она достала щипцы для завивки, зажгла газ и принялась исправлять разрушения, причиненные великодушием в сочетании с любовью. А это всегда тягчайший труд, друзья мои, исполинский труд.

Не прошло и сорока минут, как ее голова покрылась круглыми мелкими локончиками, которые сделали ее удивительно похожей на мальчишку, удравшего с уроков. Она посмотрела на себя в зеркало долгим, внимательным и критическим взглядом.

«Ну, – сказала она себе, – если Джим не убьет меня сразу, как только взглянет, он решит, что я похожа на хористку с Кони-Айленда. Но что же мне было делать, ах, что же мне было делать, раз у меня был только доллар и восемьдесят семь центов!»

В семь часов кофе был сварен, и раскаленная сковорода стояла на газовой плите, дожидаясь бараньих котлеток.

Джим никогда не запаздывал. Делла зажала платиновую цепочку в руке и уселась на краешек стола поближе к входной двери. Вскоре она услышала его шаги внизу на лестнице и на мгновение побледнела. У нее была привычка обращаться к богу с коротенькими молитвами по поводу всяких житейских мелочей, и она торопливо зашептала: – Господи, сделай так, чтобы я ему не разонравилась!

Дверь отворилась, Джим вошел и закрыл ее за собой. У

него было худое, озабоченное лицо. Нелегкое дело в двадцать два года быть обремененным семьей! Ему уже давно нужно было новое пальто, и руки мерзли без перчаток.

Джим неподвижно замер у дверей, точно сеттер, учувший перепела. Его глаза остановились на Делле с выражением, которого она не могла понять, и ей стало страшно. Это не был ни гнев, ни удивление, ни упрек, ни ужас — ни одно из тех чувств, которых можно было бы ожидать. Он просто смотрел на нее, не отрывая взгляда, и лицо его не меняло своего странного выражения.

Делла соскочила со стола и бросилась к нему.

— Джим, милый, — закричала она, — не смотри на меня так! Я остригла волосы и продала их, потому что я не пережила бы, если б мне нечего было подарить тебе к Рождеству. Они опять отрастут. Ты ведь не сердись, правда? Я не могла иначе. У меня очень быстро растут волосы. Ну, поздравь меня с Рождеством, Джим, и давай радоваться празднику. Если б ты знал, какой я тебе подарок приготовила, какой замечательный, чудесный подарок!

— Ты остригла волосы? — спросил Джим с напряжением, как будто, несмотря на усиленную работу мозга, он все еще не мог осознать этот факт.

— Да, остригла и продала, — сказала Делла. — Но ведь ты меня все равно будешь любить? Я ведь все та же, хоть и с короткими волосами.

Джим недоуменно оглядел комнату.

— Так, значит, твоих кос уже нет? — спросил он с бессмысленной настойчивостью.

— Не ищи, ты их не найдешь, — сказала Делла. — Я же тебе говорю: я их продала — остригла и продала. Сегодня сочельник, Джим. Будь со мной поласковее, потому что я это сделала для тебя. Может быть, волосы на моей голове и можно пересчитать, — продолжала она, и ее нежный голос вдруг зазвучал серьезно, — но никто, никто не мог бы измерить мою любовь к тебе! Жарить котлеты, Джим?

И Джим вышел из оцепенения. Он заключил свою Деллу в объятия. Будем скромны и на несколько секунд займемся рассмотрением какого-нибудь постороннего предмета. Что больше – восемь долларов в неделю или миллион в год? Математик или мудрец дадут вам неправильный ответ. Волхвы принесли драгоценные дары, но среди них не было одного. Впрочем, эти туманные намеки будут разъяснены далее.

Джим достал из кармана пальто сверток и бросил его на стол.

– Не пойми меня ложно, Делл, – сказал он. – Никакая прическа и стрижка не могут заставить меня разлюбить мою девочку. Но разверни этот сверток, и тогда ты поймешь, почему я в первую минуту немножко оторопел.

Белые проворные пальчики рванули бечевку и бумагу. Последовал крик восторга, тотчас же – увы! – чисто по-женски сменившийся потоком слез и стонов, так что потребовалось немедленно применить все успокоительные средства, имевшиеся в распоряжении хозяина дома.

Ибо на столе лежали гребни, тот самый набор гребней – один задний и два боковых, – которым Делла давно уже благоговейно любовалась в одной витрине, Бродвея. Чудесные гребни, настоящие черепаховые, с вделанными в края блестящими камешками, и как раз под цвет ее каштановых волос. Они стоили дорого – Делла знала это, – и сердце ее долго изнывало и томилось от несбыточного желания обладать ими. И вот теперь они принадлежали ей, но нет уже прекрасных кос, которые украсил бы их вожаделенный блеск.

Все же она прижала гребни к груди и, когда наконец нашла в себе силы поднять голову и улыбнуться сквозь слезы, сказала:

– У меня очень быстро растут волосы, Джим!

Тут она вдруг подскочила, как ошпаренный котенок, и воскликнула:

– Ах боже мой!

Ведь Джим еще не видел ее замечательного подарка. Она поспешно протянула ему цепочку на раскрытой ладони. Матовый драгоценный металл, казалось, заиграл в лучах ее бурной и искренней радости.

– Разве не прелесть, Джим? Я весь город обегала, куда нашла это. Теперь можешь хоть сто раз в день смотреть, который час. Дай-ка мне часы. Я хочу посмотреть, как это будет выглядеть все вместе.

Но Джим, вместо того чтобы послушаться, лег на кушетку, подложил обе руки под голову и улыбнулся.

– Делл, – сказал он, – придется нам пока спрятать наши подарки, пусть полежат немножко. Они для нас сейчас слишком хороши. Часы я продал, чтобы купить тебе гребни. А теперь, пожалуй, самое время жарить котлеты.

Волхвы, те, что принесли дары младенцу в яслях, были, как известно, мудрые, удивительно мудрые люди. Они-то и завели моду делать рождественские подарки. И так как они были мудры, то и дары их были мудры, может быть, даже с оговоренным правом обмена в случае непригодности. А я тут рассказал вам ничем не примечательную историю про двух глупых детей из восьмидолларовой квартирki, которые самым немудрым образом пожертвовали друг для друга своими величайшими сокровищами. Но да будет сказано в назидание мудрецам наших дней, что из всех дарителей эти двое были мудрейшими. Из всех, кто подносит и принимает дары, истинно мудры лишь подобные им. Везде и всюду. Они и есть волхвы.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЖИММИ ВАЛЕНТАЙНА

Надзиратель вошел в сапожную мастерскую, где Джимми Валентайн усердно тачал заготовки, и повел его в тюремную канцелярию. Там смотритель тюрьмы вручил Джимми помилование, подписанное губернатором в это утро. Джимми взял его с утомленным видом. Он отбыл почти десять месяцев из четырехлетнего срока, хотя рассчитывал просидеть не больше трех месяцев. Когда у арестованного столько друзей на воле, сколько у Джимми Валентайна, едва ли стоит даже брить ему голову.

– Ну, Валентайн, – сказал смотритель, – завтра утром вы выходите на свободу. Возьмите себя в руки, будьте человеком. В душе вы парень неплохой. Бросьте взламывать сейфы, живите честно.

– Это вы мне? – удивленно спросил Джимми. – Да я в жизни не взломал ни одного сейфа.

– Ну да, – улыбнулся смотритель, – разумеется. Посмотрим все-таки. Как же это вышло, что вас посадили за кражу в Спрингфилде? Может, вы не захотели доказывать свое алиби из боязни скомпрометировать какую-нибудь даму из высшего общества? А может, присяжные подвели вас по злобе? Ведь с вами, невинными жертвами, иначе не бывает.

– Я? – спросил Джимми в добродетельном недоумении. – Да что вы! Я и в Спрингфилде никогда не бывал!

– Отведите его обратно, Кронин, – улыбнулся смотритель, – и оденьте как полагается. Завтра в семь утра вы его выпустите и приведете сюда. А вы лучше обдумайте мой совет, Валентайн.

На следующее утро, в четверть восьмого, Джимми стоял в тюремной канцелярии. На нем был готовый костюм отвратительного покроя и желтые скрипучие сапоги, какими государство снабжает своих подневольных гостей, расставаясь с ними.

Письмоводитель вручил ему железнодорожный билет и бумажку в пять долларов, которые, как полагал закон, должны были вернуть Джимми права гражданства и благосостояние. Смотритель пожал ему руку и угостил его сигарой. Валентайн, № 9762, был занесен в книгу под рубрикой «Помилован губернатором», и на солнечный свет вышел мистер Джеймс Валентайн.

Не обращая внимания на пение птиц, волнующуюся листву деревьев и запах цветов, Джимми направился прямо в ресторан. Здесь он вкусил первых радостей свободы в виде жареного цыпленка и бутылки белого вина. За ними последовала сигара, сортом выше той, которую он получил от смотрителя. Оттуда он не торопясь проследовал на станцию железной дороги. Бросив четверть доллара слепому, сидевшему у дверей вокзала, он сел на поезд. Через три часа Джимми высадился в маленьком городке, недалеко от границы штата. Войдя в кафе некоего Майка Делана,

он пожал руку хозяину, в одиночестве дежурившему за стойкой.

– Извини, что мы не могли сделать этого раньше, Джимми, сынок, – сказал Долан. – Но из Спрингфилда поступил протест, и губернатор было заартачился. Как ты себя чувствуешь?

– Отлично, – сказал Джимми. – Мой ключ у тебя?

Он взял ключ и, поднявшись наверх, отпер дверь комнаты в глубине дома. Все было так, как он оставил уходя. На полу еще валялась запонка от воротничка Бена Прайса, сорванная с рубашки знаменитого сыщика в ту минуту, когда полиция набросилась на Джимми и арестовала его.

Оттащив от стены складную кровать, Джимми сдвинул в сторону одну филенку и достал запыленный чемоданчик. Он открыл его и любовно окинул взглядом лучший набор отмычек в Восточных штатах. Это был полный набор, сделанный из стали особого закала: последнего образца сверла, резцы, перки, отмычки, клещи, буравчики и еще две-три новинки, изобретенные самим Джимми, которыми он очень гордился. Больше девятисот долларов стоило ему изготовить этот набор в... словом, там, где фабрикуются такие вещи для людей его профессии.

Через полчаса Джимми спустился вниз и прошел через кафе. Теперь он был одет со вкусом, в отлично сшитый костюм, и нес в руке вычищенный чемоданчик.

– Что-нибудь наклеивается? – сочувственно спросил Майк Долан.

– У меня? – удивленно переспросил Джимми. – Не понимаю. Я представитель Объединенной нью-йоркской компании рассыпчатых сухарей и дробленой пшеницы.

Это заявление привело Майка в такой восторг, что Джимми непременно должен был выпить стакан содовой с молоком. Он в рот не брал спиртных напитков.

Через неделю после того как выпустили заключенного Валентайна, № 9762, было совершено чрезвычайно ловкое

ограбление сейфа в Ричмонде, штат Индиана, причем виновник не оставил после себя никаких улик. Украли всего-навсего каких-то восемьсот долларов. Через две недели был без труда очищен патентованный, усовершенствованный, застрахованный от взлома сейф в Логанспорте на сумму в полторы тысячи долларов звонкой монетой; ценные бумаги и серебро остались нетронутыми. Тогда делом начали интересоваться ищейки. После этого произошло вулканическое извержение старого банковского сейфа в Джефферсон-Сити, причем из кратера вылетело пять тысяч долларов бумажками. Убытки теперь были настолько велики, что дело оказалось достойным Бена Прайса. Путем сравнения было установлено поразительное сходство методов во всех этих случаях. Бен Прайс, побывав на местах преступления, объявил во всеуслышание:

– Это почерк Франта – Джимми Валентайна. Опять взялся за свое. Посмотрите на этот секретный замок – выдернут легко, как редиска в сырую погоду. Только у него есть такие клещи, которыми можно это сделать. А взгляните, как чисто пробиты задвижки! Джимми никогда не сверлит больше одного отверстия. Да, конечно, это мистер Валентайн. На этот раз он отсидит сколько полагается, без всяких досрочных освобождений и помилований. Дурака валять нечего!

Бену Прайсу были известны привычки Джимми. Он изучил их, расследуя спрингфилдское дело. Дальние поездки, быстрые исчезновения, отсутствие сообщников и вкус к хорошему обществу – все это помогало Джимми Валентайну ускользать от возмездия. Разнесся слух, что по следам неуловимого взломщика пустился Бен Прайс, и остальные владельцы сейфов, застрахованных от взлома, вздохнули свободнее.

В один прекрасный день Джимми Валентайн со своим чемоданчиком вышел из почтовой кареты в Элморе, маленьком городке в пяти милях от железной дороги, в глу-

бине штата Арканзас, среди зарослей карликового дуба. Джимми, похожий на студента-спортсмена, приехавшего домой на каникулы, шел по дощатому тротуару, направляясь к гостинице.

Молодая девушка пересекла улицу, обогнала Джимми на углу и вошла в дверь, над которой висела вывеска: «Городской банк». Джимми Валентайн заглянул ей в глаза, забыл, кто он такой, и стал другим человеком. Девушка опустила глаза и слегка покраснела. В Элморе не часто встречались молодые люди с манерами и внешностью Джимми.

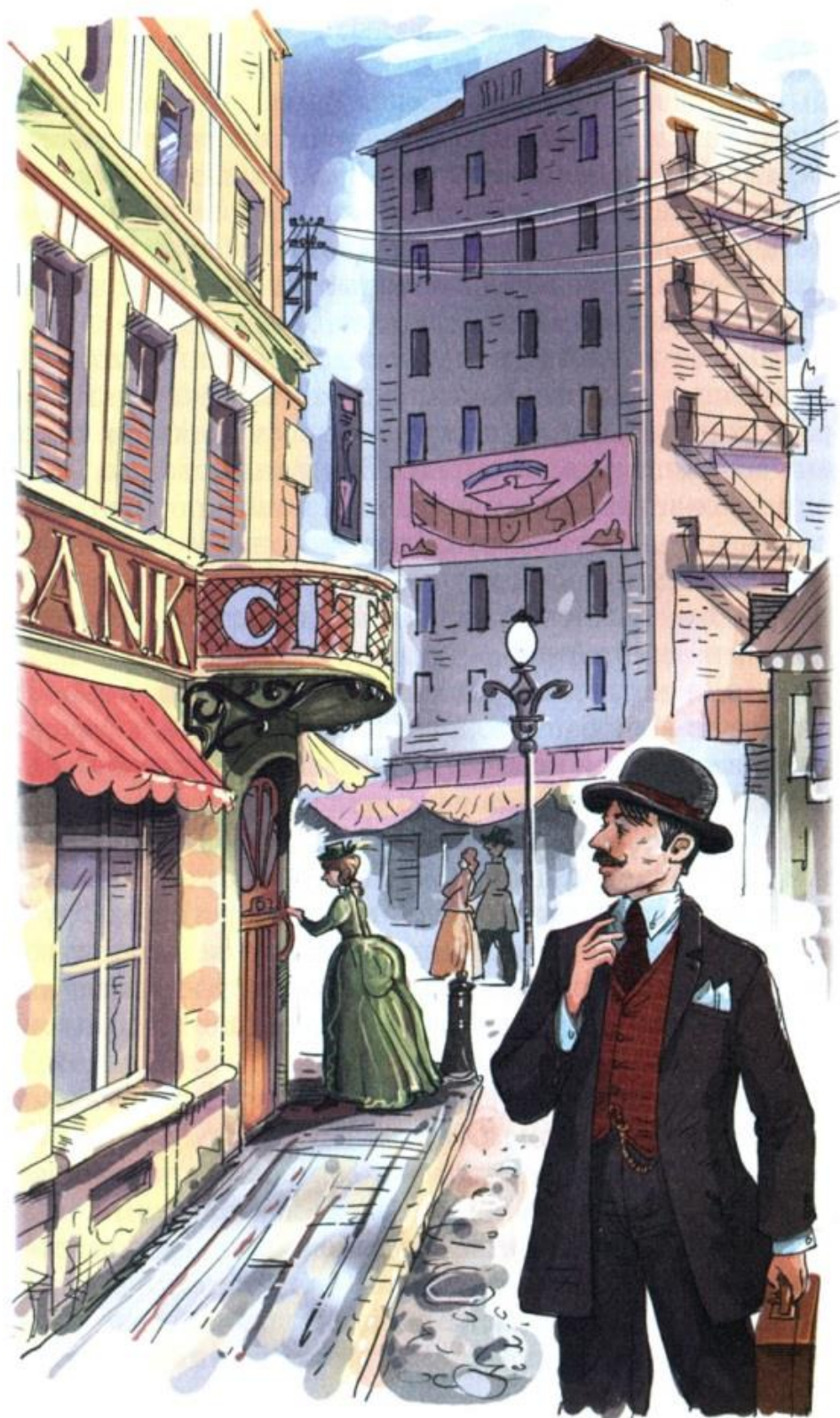
Джимми схватил за шиворот мальчишку, который слонялся у подъезда банка, словно акционер, и начал расспрашивать о городе, время от времени скармливая ему десяти центовые монетки. Вскоре молодая девушка опять появилась в дверях банка и пошла по своим делам, надменно игнорируя существование молодого человека с чемоданчиком.

– Это, кажется, мисс Полли Симпсон? – спросил Джимми, явно хитря.

– Да нет, – ответил мальчишка, – это Аннабел Адамс. Ее папа банкир. А вы зачем приехали в Элмор? Это у вас золотая цепочка? Мне скоро подарят бульдога. А еще десять центов у вас есть?

Джимми пошел в «Отель плантаторов», записался там под именем Ральфа Д. Спенсера и взял номер. Облокотившись на конторку, он сообщил регистратору о своих намерениях. Он приехал в Элмор на жительство, хочет заняться коммерцией. Как теперь у них в городе с обувью? Он подумывает насчет обувной торговли. Есть какие-нибудь шансы?

Костюм и манеры Джимми произвели впечатление на конторщика. Он сам был законодателем мод для не густо позолоченной молодежи Элмора, но теперь понял, чего ему не хватает. Стараясь сообразить, как именно Джимми

завязывает свой галстук, он почтительно давал ему информацию.

Да, по обувной части шансы должны быть. В городе нет магазина обуви. Ею торгуют универсальные и мануфактурные магазины. Нужно надеяться, что мистер Спенсер решит поселиться в Элморе. Он сам увидит, что у них в городе жить приятно, народ здесь очень общительный.

Мистер Спенсер решил остановиться в городе на несколько дней и осмотреться для начала. Нет, звать мальчика не нужно. Чемодан довольно тяжелый, он донесет его сам.

Мистер Ральф Спенсер, феникс, возникший из пепла Джимми Валентайна, охваченного огнем внезапно вспыхнувшей и преобразившей его любви, остался в Элморе и преуспел. Он открыл магазин обуви и обзавелся клиентурой.

В обществе он тоже имел успех и приобрел много знакомых. И того, к чему стремилось его сердце, он сумел добиться. Он познакомился с мисс Аннабел Адамс и с каждым днем все больше пленялся ею.

К концу года положение мистера Ральфа Спенсера было таково: он приобрел уважение общества, его торговля обувью процветала, через две недели он должен был жениться на мисс Аннабел Адамс. Мистер Адамс, типичный провинциальный банкир, благоволил к Спенсеру. Аннабел гордилась им не меньше, чем любила его. В доме у мистера Адамса и замужней сестры Аннабел он стал своим человеком, как будто уже вошел в семью.

И вот однажды Джимми заперся в своей комнате и написал следующее письмо, которое потом было послано по надежному адресу одному из его старых друзей в Сент-Луисе:

«Дорогой друг!

Мне надо, чтобы в будущую среду к девяти часам вечера ты был у Салливана в Литл-Рок. Я хочу, чтобы ты

ликвидировал для меня кое-какие дела. Кроме того, я хочу подарить тебе мой набор инструментов. Я знаю, ты ему обрадуешься, – другого такого не достать и за тысячу долларов. Знаешь, Билли, я бросил старое вот уже год. Я открыл магазин. Честно зарабатываю на жизнь, через две недели женюсь: моя невеста – самая лучшая девушка на свете. Только так и можно жить, Билли, – честно. Ни одного доллара чужих денег я теперь и за миллион не возьму. После свадьбы продам магазин и уеду на Запад – там меньше опасности, что всплывут старые счета. Говорю тебе, Билли, она ангел. Она в меня верит, и я ни за что на свете не стал бы теперь мошенничать. Так смотри же, приходи к Салли, мне надо тебя видеть. Набор я захвачу с собой.

Твой старый приятель
Джимми».

В понедельник вечером, после того как Джимми написал это письмо, Бен Прайс, никем не замеченный, въехал в Элмор в наемном кабриолете. Он не спеша прогулялся по городу и разузнал все, что ему нужно было знать. Из окна аптеки напротив обувной лавки он как следует рассмотрел Ральфа Д. Спенсера.

– Хотите жениться на дочке банкира, Джимми? – тихонько сказал Бен. – Не знаю, не знаю, право!

На следующее утро Джимми завтракал у Адамсов. В этот день он собирался поехать в Литл-Рок, чтобы заказать себе костюм к свадьбе и купить что-нибудь в подарок Аннабел. Это в первый раз он уезжал из города, с тех пор как поселился в нем. Прошло уже больше года после того, как он бросил свою «профессию», и ему казалось, что теперь можно уехать, ничем не рискуя.

После завтрака все вместе, по-семейному, отправились в центр города – мистер Адамс, Аннабел, Джимми и замужняя сестра Аннабел с двумя девочками пяти и девяти

лет. Когда они проходили мимо гостиницы, где до сих пор жил Джимми, он поднялся к себе в номер и вынес оттуда чемоданчик. Потом пошли дальше, к банку.

Там Джимми Валентайна дожидались запряженный экипаж и Долф Гибсон, который должен был отвезти его на станцию железной дороги.

Все вошли в помещение банка, за высокие перила резного дуба, и Джимми со всеми вместе, так как будущему зятю мистера Адамса были рады везде. Конторщикам льстило, что им кланяется красивый, любезный молодой человек, который собирается жениться на мисс Аннабел. Джимми поставил свой чемоданчик на пол. Аннабел, сердце которой было переполнено счастьем и буйным весельем молодости, надела шляпу Джимми и взялась рукой за чемоданчик.

– Хороший из меня выйдет вояжер? – спросила Аннабел. – Господи, Ральф, как тяжело! Точно он набит золотыми слитками.

– Тут никелированные рожки для обуви, – спокойно отвечал Джимми, – я их собираюсь вернуть. Чтобы не было лишних расходов, думаю отвезти их сам. Я становлюсь ужасно экономен.

В элморском банке только что оборудовали новую кладовую с сейфом. Мистер Адамс очень гордился ею и всех и каждого заставлял осматривать ее. Кладовая была маленькая, но с новой патентованной дверью. Ее замыкали три тяжелых стальных засова, которые запирались сразу одним поворотом ручки и отпирались при помощи часового механизма. Мистер Адамс, сияя улыбкой, объяснил действие механизма мистеру Спенсеру, который слушал вежливо, но, видимо, не понимал сути дела. Обе девочки, Мэй и Агата, были в восторге от сверкающего металла, забавных часов и кнопок.

Пока все были этим заняты, в банк вошел небрежной походкой Бен Прайс и стал, облокотившись на перила и как бы нечаянно заглядывая внутрь. Кассиру он сказал,

что ему ничего не нужно, он хочет только подождать одного знакомого.

Вдруг кто-то из женщин вскрикнул, и поднялась суматоха. Незаметно для взрослых девятилетняя Мэй, разыгравшись, заперла Агату в кладовой. Она задвинула засовы и повернула ручку комбинированного замка, как только что сделал у нее на глазах мистер Адамс.

Старый банкир бросился к ручке двери и начал ее дергать.

– Дверь нельзя открыть, – простонал он. – Часы не были заведены, и соединительный механизм не установлен.

Мать Агаты опять истерически вскрикнула.

– Тише! – произнес мистер Адамс, поднимая дрожащую руку. – Помолчите минуту. Агата! – позвал он как можно громче. – Слушай меня!

В наступившей тишине до них едва слышно донеслись крики девочки, обезумевшей от страха в темной кладовой.

– Дочка моя дорогая! – вопила мать. – Она умрет от страха! Откройте дверь! Ах, взломайте ее! Неужели вы, мужчины, ничего не можете сделать?

– Только в Литл-Рок есть человек, который может открыть эту дверь, ближе никого не найдется, – произнес мистер Адамс нетвердым голосом. – Боже мой! Спенсер, что нам делать? Девочка... ей не выдержать долго. Там не хватит воздуха, а кроме того, с ней сделаются судороги от испуга.

Мать Агаты, теряя рассудок, колотила в дверь кулаками. Кто-то необдуманно предложил пустить в ход динамит. Аннабел повернулась к Джимми, в ее больших глазах вспыхнула тревога, но она еще не отчаивалась. Женщине всегда кажется, что нет ничего невозможного или непосильного для мужчины, которого она боготворит.

– Не можете ли вы что-нибудь сделать, Ральф? Ну попробуйте!

Он взглянул на нее, и странная, мягкая улыбка скользнула по его губам и засветилась в глазах.

– Аннабел, – сказал он, – подарите мне эту розу.

Едва веря своим ушам, она отколола розовый бутон на груди и протянула ему. Джимми воткнул розу в жилетный карман, сбросил пиджак и засучил рукава. После этого Ральф Д. Спенсер перестал существовать и Джимми Валентайн занял его место.

– Отойдите подальше от дверей, все отойдите! – кратко скомандовал он.

Джимми поставил свой чемоданчик на стол и раскрыл его. С этой минуты он перестал сознавать чье бы то ни было присутствие. Он быстро и аккуратно разложил странные блестящие инструменты, тихо насвистывая про себя, как делал всегда за работой. Все остальные смотрели на него, словно заколдованные, в глубоком молчании, не двигаясь с места.

Уже через минуту любимое сверло Джимми плавно вгрызлось в сталь. Через десять минут, побив собственные рекорды, он отодвинул засовы и открыл дверь.

Агату, почти в обмороке, но живую и невредимую, подхватила на руки мать.

Джимми Валентайн надел пиджак и, выйдя из-за перил, направился к дверям. Ему показалось, что далекий, когда-то знакомый голос слабо позвал его: «Ральф!» Но он не остановился.

В дверях какой-то крупный мужчина почти загородил ему дорогу.

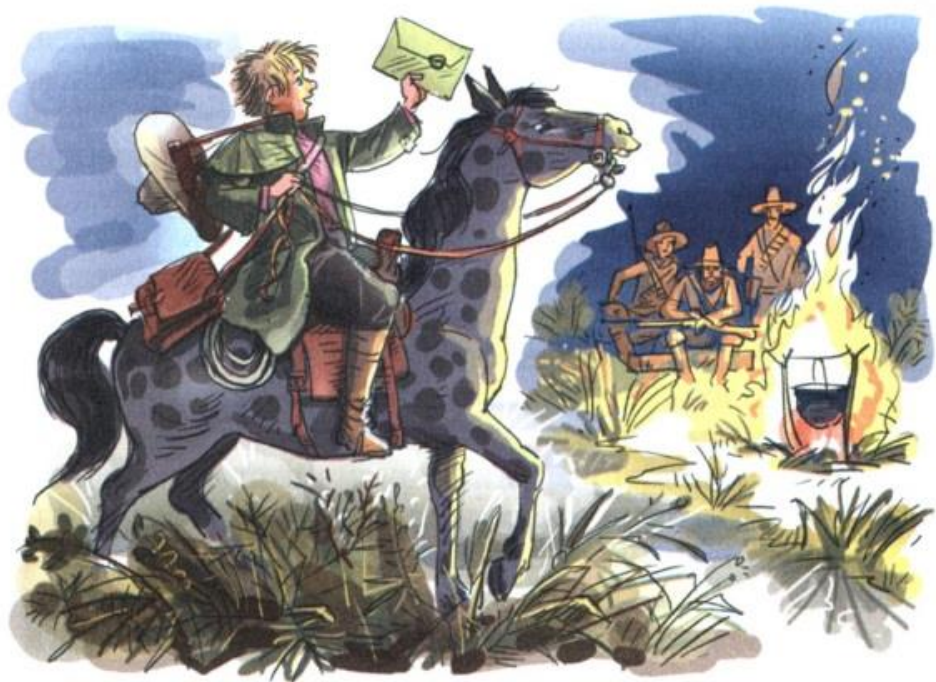
– Здравствуй, Бен! – сказал Джимми все с той же необыкновенной улыбкой. – Добрался-таки до меня! Ну что ж, пойдём. Теперь, пожалуй, уже все равно.

И тут Бен Прайс повел себя довольно странно.

– Вы, наверно, ошиблись, мистер Спенсер, – сказал он. – По-моему, мы с вами незнакомы. Вас там, кажется, дожидается экипаж.

И Бен Прайс повернулся и зашагал по улице.

ДЖИММИ ХЕЙЗ И МЬЮРИЭЛ

I

Ужин кончился, и в лагере наступила тишина, сопровождающая обычно свертывание папирос из кожуры кукурузных початков. Маленький пруд светился на темной земле, как клочок упавшего неба. Тявкали койоты. Глухие удары копыт выдавали присутствие стреноженных коней, продвигавшихся к свежей траве скачками, как деревянные лошадки-качалки. Полуэскадрон тexasского пограничного батальона расположился вокруг костра.

Знакомый звук – шорох и трение чапарраля о деревянные стремена – послышался из густых зарослей повыше лагеря. Пограничники насторожились. Они услышали, как громкий, веселый голос успокоительно говорил:

– Подбодрись, Мьюриэл, старушка! Вот мы и приехали. А долгая получилась поездка, верно? Эх ты, допотопное существо! Да ну, будет тебе целоваться, право! И не

цепляйся так крепко за мою шею. Надо тебе сказать, этот коняга под нами не очень тверд на ноги. Он еще, чего доброго, сбросит нас с тобой, если мы будем зевать.

После двух минут ожидания на лагерную площадку вылетела усталая серая в яблоках лошадь. Долговязый парень лет двадцати раскачивался в седле. Никакой Мьюриэл, к которой он обращался, не было видно.

– Эй, друзья, – весело закричал всадник, – вот тут письмо лейтенанту Мэннингу!

Он спешил, расседлал коня, опустил на землю свернутое в кольцо лассо и снял с луки седла путы. Пока лейтенант Мэннинг, командир полуэскадрона, читал письмо, он заботливо соскреб засохшую на путах грязь, показав тем самым, что бережет передние ноги своего коня.

– Ребята, – сказал лейтенант и помахал пограничникам рукой, – это мистер Джимми Хейз. Он зачислен в нашу часть. Капитан Мак-Лин прислал его к нам из Эль-Пасо. Хейз, когда стреножите коня, ребята вас накормят.

Пограничники приняли новичка радушно. Тем не менее они подвергли его внимательному осмотру и воздержались до поры до времени от окончательного приговора. Пограничники выбирают нового товарища в десять раз осмотрительнее, чем девушка возлюбленного. От выдержки, преданности, хладнокровия и меткой стрельбы вашего соседа в бою часто зависит ваша жизнь.

После плотного ужина Хейз присоединился к курящим у костра. Его внешность не рассеяла всех сомнений у его собратьев по оружию. Они видели всего лишь длинного, сухопарого юношу с выжженными солнцем волосами цвета пакли и загорелым простодушным лицом, на котором играла добрая, лукавая улыбка.

– Друзья, – сказал новый пограничник, – я сейчас представлю вас одной моей знакомой леди. Я никогда не слышал, чтобы ее называли красавицей, но вы согласитесь, что она все-таки ничего себе. Поди-ка сюда, Мьюриэл!

Он расстегнул свою синюю фланелевую рубашку. Из-за пазухи у него выползла рогатая лягушка. Ярко-красная ленточка была кокетливо повязана вокруг ее колючей шеи. Она сползла на колено к хозяину и уселась там неподвижно.

– Вот у этой самой Мьюриэл, – сказал Хейз с ораторским жестом, – имеется куча достоинств. Она никогда не спорит, она всегда сидит дома, и она довольствуется одним красным платьем и в будни и в воскресенье.

– Вы только посмотрите на эту погань! – сказал, смеясь, один из пограничников. – Видал я рогатых лягушек, но никогда не видел, чтобы кто-нибудь взял себе такую дрянь в товарищи. Она что, знает вас?

– Возьмите ее и увидите, – сказал Хейз.

Небольшая короткохвостая ящерица, известная под названием рогатой лягушки, совершенно безвредна. Она уродлива, как те доисторические чудовища, уменьшенным потомком которых она является, но кротка, как голубь.

Пограничник взял Мьюриэл с колен Хейза и вернулся на свое сиденье из свернутых одеял. Пленница вертелась, царапалась и энергично вырывалась из его руки. Подержав лягушку с минуту, пограничник опустил ее на землю. Неуклюже, но быстро она заработала своими утомительными лапками и остановилась у ноги Хейза.

– Здорово, разрази меня гром! – сказал другой пограничник. – Никогда не думал, что у этих насекомых столько соображения.

II

Джимми Хейз стал общим любимцем в лагере пограничников. Он обладал бесконечным запасом добродушия и неиссякаемым мягким юмором, который очень ценится в походной жизни. Он был неразлучен со своей рогатой лягушкой. За пазухой во время езды, на плече или на колене в лагере, под одеялом ночью – маленький уродец никогда не покидал его. Джимми был шутником того типа, который преобладает в сельских местностях Запада и Юга. Не умея ни изобрести что-нибудь новое по части развлечений, ни сострить экспромтом, он набрел как-то раз на забавную мысль и крепко ухватился за нее. Ему показалось очень смешным иметь при себе для развлечения друзей ручную рогатую лягушку с красной ленточкой на шее. Это была счастливая мысль – почему же не развивать ее до бесконечности?

Отношения, связывавшие Джимми с его лягушкой, трудно поддаются определению. Способна ли рогатая лягушка на прочную привязанность – это вопрос, для разрешения которого мы не располагаем данными. Легче угадать чувства Джимми. Мьюриэл была перлом его остроумия и в качестве такового была им нежно любима. Он ловил для нее мух и защищал ее от холодного ветра. Заботы его были наполовину эгоистичны, и все же, когда при-

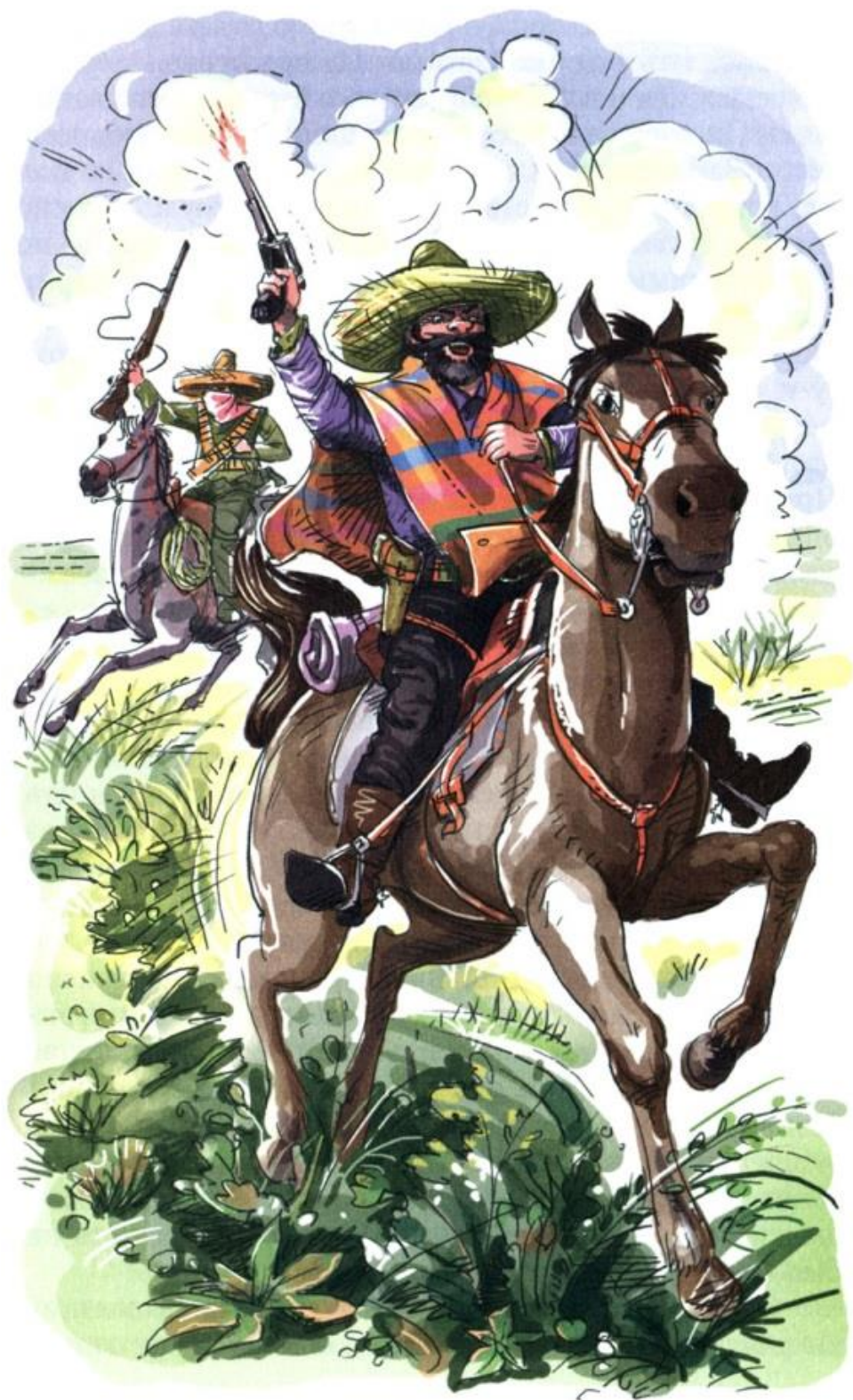
шло время, она отплатила ему сторицей. Немало других Мьюриэл так же щедро вознаграждали других Джимми за их поверхностное увлечение.

Джимми не сразу добился полного признания со стороны своих товарищей. Они любили его за простоту и чудачества, но над ним все еще висел тяжелый меч отсроченного приговора. Жизнь пограничников состоит не только в том, чтобы дурачиться в лагере. Приходится еще выслеживать конокрадов, ловить опасных преступников, драться со всякими головорезами, выбивать из чапарралья шайки бандитов, насаждать закон и порядок с помощью шестизарядного револьвера. Джимми, по собственному его признанию, был преимущественно ковбоем и не имел опыта в пограничной войне. Поэтому пограничники в его отсутствие усиленно гадали, как он будет вести себя под огнем. Ибо, да будет всем известно, честь и гордость каждого пограничника отряда зависят от личной отваги составляющих его солдат.

Два месяца на границе было спокойно. Солдаты бездельничали в лагере. А затем, к великой радости изнывавших от скуки защитников границы, Себастьяно Салдар, знаменитый мексиканский головорез и угонщик скота, перешел со своей шайкой Рио-Гранде и стал производить опустошения на тexasском берегу. Теперь были основания предполагать, что скоро Джимми Хейзу представится случай показать, чего он стоит. Отряд гонялся за бандитами неустанно, но у Салдара и его людей кони были, как у Лохинвара, и настигнуть их было нелегко.

Однажды вечером, перед закатом, пограничники после долгого перехода остановились на отдых.

Усталые лошади стояли тут же, нерасседланные. Люди жарили сало и варили кофе. Вдруг из чащи зарослей на них выскочил Себастьяно Салдар со своей шайкой, стреляя из шестизарядных револьверов и оглашая воздух отчаянными воплями. Это было полной неожиданностью. По-

граничники, раздраженно ругаясь, схватились за винчестеры, но атака оказалась лишь показным выступлением в чисто мексиканском духе. После этой шумной демонстрации налетчики с оглушительным криком ускакали прочь вдоль реки. Пограничники вскочили на коней и пустились в погоню, но уже мили через две их лошади выдохлись, и лейтенант Мэннинг отдал приказ прекратить погоню и вернуться в лагерь.

Тут обнаружилось, что Джимми Хейз исчез. Кто-то вспомнил, что, когда началась тревога, он побежал к своей лошади, но после этого никто его не видел. Наступило утро, а Джимми все не было. Думая, что он лежит где-нибудь убитый или раненный, пограничники обыскали все окрестности, но безуспешно. Тогда они пошли по следам банды Салдара, но она как в воду канула. Мэннинг решил, что коварный мексиканец после своего театрального прощания снова ушел за реку. И действительно, ни о каких дальнейших набегах сведений не поступало.

Это дало пограничникам время разобраться в своих неприятностях. Как уже было сказано, честь и гордость каждого пограничника отряда зависит от личной отваги составляющих его солдат. И теперь они были уверены, что свист мексиканских пуль обратил Джимми Хейза в позорное бегство. Бак Дэвис хорошо помнил, что мексиканцы не дали ни одного выстрела, после того как Джимми побежал к своей лошади. Таким образом, он не мог быть убит. Нет, он бежал от своего первого боя и не захотел вернуться, зная, что презрение товарищей труднее вынести, чем вид направленных на тебя винтовок.

И в отряде Мэннинга из пограничного батальона Мак-Лина было невесело. Это было первое пятно на их знамени. Ни разу еще за всю историю пограничной службы ни один солдат не показал себя трусом. Все они любили Джимми Хейза, и это еще больше портило дело.

Проходили дни, недели и месяцы, а облачко неизжитого позора все еще висело над лагерем.

III

Год спустя, оставив позади много стоянок и изъездив с оружием в руках много сотен миль, лейтенант Мэннинг почти с тем же составом людей был послан на борьбу с контрабандистами на несколько миль ниже по реке от их старого лагеря. Однажды, пересекая густо заросшую мескитом равнину, они выехали на луг, изрезанный овражками. Тут глазам их представилась немая картина давнишней трагедии.

В одном из овражков лежали скелеты трех мексиканцев. Их можно было узнать только по платью. Самый большой скелет был когда-то Себастьяно Салдаром. Его громадное дорогое сомбреро с золотыми украшениями — шляпа, известная по всему Рио-Гранде, — лежало тут же, пробитое тремя пулями. На краю овражка покоились заржавевшие винчестеры мексиканцев — все они были направлены дулами в одну сторону.

Пограничники проехали в ту сторону пятьдесят ярдов. Там, в небольшой впадине, все еще целясь из винтовки в тех троих, лежал еще один скелет. Это был бой на взаимное уничтожение. Ни по каким признакам нельзя было опознать одинокого защитника. Его одежда, над которой немало потрудились дожди и солнце, могла быть одеждой любого ранчмена или ковбоя.

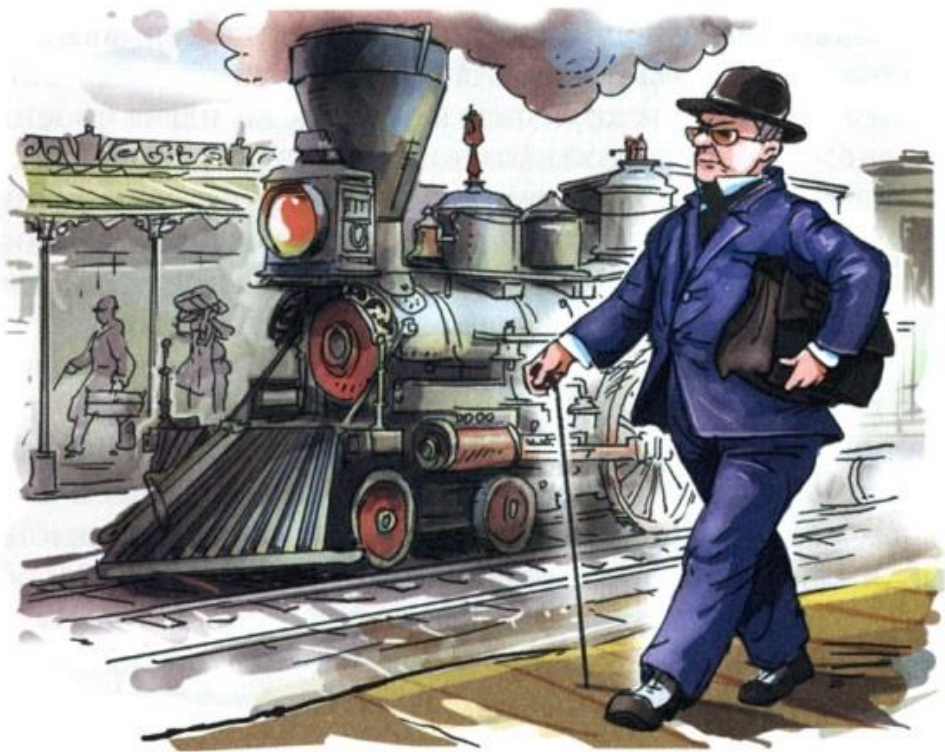
— Какой-нибудь ковбой, — сказал Мэннинг. — Они настигли его одного. Молодец парень! Задал он им горячих, прежде чем они укокошили его! Так вот почему мы больше ничего не слышали о доне Себастьяно!

И вдруг из-под истрепанных непогодой лохмотьев мертвеца вылезла рогатая лягушка с полинявшей красной ленточкой вокруг шеи и уселась на плече своего давно успокоившегося хозяина. Безмолвно рассказала она повесть о неопытном юноше и быstroногом сером в яблоках коне — как они в погоне за мексиканскими налетчиками

обогнали всех своих товарищей и как мальчик погиб, поддерживая честь своего отряда.

Пограничники теснее столпились у трупа, и, словно по данному знаку, дикий вопль вырвался из их уст. Этот вопль был и панихидой, и надгробной речью, и эпитафией, и торжествующей песнью. Странный реквием над прахом павшего товарища, скажете вы, но, если бы Джимми Хейз мог его услышать, он бы все понял.

ДРУЗЬЯ ИЗ САН-РОЗАРИО

Западный экспресс остановился в Сан-Розарио точно по расписанию, в 8.20 утра. Из одного вагона вышел мужчина с объемистым черным кожаным портфелем под мышкой и быстро зашагал по главной улице городка. Сошли с поезда и другие пассажиры, но они тут же разбрелись – кто в железнодорожный буфет, кто в салун «Серебряный доллар», а кто просто примкнул к кучке зевак, околачивающихся на станции.

Все движения человека с портфелем говорили о том, что ему чужда нерешительность. Это был невысокий коренастый блондин с коротко подстриженными волосами и гладким, энергичным лицом; нос его воинственно оседлали золотые очки. Он был одет в хороший костюм, покроя, принятого в Восточных штатах. В нем чувствовалась если не властность, то во всяком случае твердое, хотя и сдержанное, сознание собственной силы.

Пройдя три квартала, приезжий очутился в центре деловой части городка. Здесь улицу, по которой он шел, пересекала другая, не менее оживленная, и место их скрещения представляло собой главный узел всей финансовой и коммерческой жизни Сан-Розарио. На одном углу стояло здание почты, другой был занят магазином готового платья Рубенского. На остальных двух углах, наискосок друг от друга, помещались оба городских банка – Первый Национальный и Национальный Скотопромышленный. В Первый Национальный банк и направился приезжий, ни на минуту не замедляя своих шагов, пока они не привели его к окошечку в загородке перед столом главного бухгалтера. Банк открывался только в девять часов, но все служащие уже были на местах и готовились к началу операций. Главный бухгалтер, занятый просмотром утренней почты, не сразу заметил посетителя, остановившегося перед его окошком.

– Мы начинаем с девяти, – сказал он коротко, но без раздражения в голосе. С тех пор как банки Сан-Розарио перешли на принятые в больших городах часы работы, ему часто приходилось давать подобные разъяснения всяким ранним пташкам.

– Мне это известно, – холодно отчеканил посетитель. – Разрешите вручить вам мою карточку.

Главный бухгалтер взял протянутый в окошечко прямоугольник снежно-белого картона и прочел:

Дж. Ф. Ч. НЕТТЛВИК
Ревизор Национальных банков

– Э-э... пожалуйста, пройдите сюда, мистер... э-э... Неттлвик. Вы у нас в первый раз... мы, разумеется, не знали. Вот сюда, пожалуйста.

Не мешкая, ревизор вступил в святая святых банка, и мистер Эдлинджер, главный бухгалтер, почтенный

джентльмен средних лет, все делавший обстоятельно, осмотрительно и методично, не без торжественности представил ему по очереди весь персонал.

– Я, признаться, ожидал Сэма Тэрнера, как обычно, – сказал мистер Эдлинджер. – Вот уже скоро четыре года, как нас ревизует Сэм. Но надеюсь, что и вам не в чем будет нас упрекнуть, учитывая общий застой в делах. Большой наличностью похвастать не можем, но бурю выдержим, сэр, бурю выдержим.

– Мистер Тэрнер и я получили от Главного контролера предписание поменяться районами, – сказал ревизор все тем же сухим, официальным тоном. – Он теперь ревизует мои прежние объекты в Южном Иллинойсе и Индиане. Если позволите, я начну с кассы.

Перри Дорси, кассир, уже раскладывал на мраморном прилавке наличность кассы для обозрения ревизора. Он знал, что все у него в порядке, до единого цента, и опасаться ему решительно нечего, но все-таки нервничал и волновался. И все в банке нервничали и волновались. Таким холодом и бездушием веяло от нового ревизора, что-то в нем было такое целеустремленное и непреклонное, что, казалось, одно его присутствие уже служило обвинительным актом. Он производил впечатление человека, который никогда не ошибается сам и не простит ошибки другому.

Мистер Неттлвик прежде всего ринулся на наличность кассы и с быстротой и ловкостью фокусника пересчитал все пачки кредиток. Затем он пододвинул к себе мокрую губку и проверил каждую пачку. Его тонкие белые пальцы мелькали, как пальцы пианиста-виртуоза над клавишами рояля. Он с размаху вытряхнул на прилавок все содержимое мешка с золотом, и монеты жалобно звенели, разлетаясь по мраморной доске под его проворными руками. А когда дело дошло до мелочи, никелевые монетки так и запорхали в воздухе. Он сосчитал все до последнего цента.

Он распорядился принести весы и взвесил каждый мешок серебра в кладовой.

Он подробно допрашивал Дорси по поводу каждого кассового документа – чеков, расписок и т. д., оставшихся со вчерашнего дня; все это безукоризненно вежливо, но в то же время с такой таинственной многозначительностью и таким ледяным тоном, что у бедного кассира горели щеки и заплетался язык.

Этот новый ревизор был совсем не похож на Сэма Тэрнера. Сэм входил в банк с веселым шумом, оделял всех сигарами и принимался рассказывать анекдоты, услышанные в дороге. С Дорси он обычно здоровался так: «А, Перри! Ты еще не сбежал со всей кассой?» Процедура проверки наличности тоже носила несколько иной характер. Тэрнер со скучающим видом перебирал пальцами пачки кредиток, потом спускался в кладовую, наудачу поддевал ногой несколько мешков с серебром, и на том дело конча-

лось. До мелочи Сэм Тэрнер не унижался никогда. «Что я, курица, что ли, чтобы по зернышку клевать? – говорил он, когда перед ним выкладывали кучки никелевых монеток. – Сельское хозяйство – это не по моей части». Но ведь Тэрнер сам был коренным тexasцем, издавна водил дружбу с президентом банка, а кассира Дорси знал чуть не с пеленок.

В то время, когда ревизор был занят подсчетом наличности, у бокового подъезда банка остановился кабриолет, запряженный старой муругой кобылой, и оттуда вышел майор Томас Б. Кингмен, в просторечии именуемый «майор Том», – президент Первого Национального. Войдя в банк и увидя ревизора, считающего деньги, он прошел прямо в свой «загончик», как он называл отгороженный барьером угол, где стоял его письменный стол, и принялся просматривать полученные письма.

Незадолго до этого произошел маленький инцидент, ускользнувший даже от бдительного взгляда мистера Неттлвика. Как только ревизор уселся подсчитывать кассу, мистер Эдлинджер многозначительно подмигнул Рою Уилсону, пареньку, служившему в банке рассыльным, и едва заметно наклонил голову в сторону парадной двери. Рой сразу понял, надел шляпу и не торопясь пошел к двери с разносной книгой под мышкой. Выйдя из банка, он прямым сообщением отправился через улицу, в Национальный Скотопромышленный. Там тоже готовились к началу занятий. Ни один посетитель пока не показывался.

– Эй вы, публика! – закричал Рой с фамильярностью мальчишки и старого знакомого. – Пошевеливайтесь-ка побыстрее. Приехал новый ревизор, да такой, что ему пальца в рот не клади. Он сейчас сидит у нас, у Перри все пятаки пересчитывает. Наши все не знают, куда деваться со страху, а мистер Эдлинджер мигнул мне, чтобы я предупредил вас.

Мистер Бакли, президент Национального Скотопро-

мышленного, пожилой, тучный мужчина, похожий на приодевшегося к празднику фермера, услышал слова Роя и окликнул его из своего кабинета в глубине помещения.

– Что, майор Кингмен уже в банке? – спросил он мальчика.

– Да, сэр, он как раз подъехал, когда я вышел, чтобы идти к вам.

– Мне нужно, чтоб ты передал записку майору. Вручишь ему лично и сразу же, как только вернешься.

Мистер Бакли уселся за стол и принялся писать.

Вернувшись в Первый Национальный, Рой отдал майору Кингмену конверт с запиской. Майор прочел, сложил листок и спрятал его в карман жилета. Несколько минут он сосредоточенно раздумывал, откинувшись на спинку кресла, потом встал и пошел в банковскую кладовую. Вернулся он оттуда, держа в руках старомодную толстую кожаную папку с надписью золотыми буквами: «Учтенные векселя». В этой папке лежали долговые обязательства клиентов банка вместе с ценными бумагами, представленными в обеспечение ссуд. Майор довольно бесцеремонно вытряхнул все бумаги на свой стол и принялся разбирать их.

Между тем Неттлвик покончил с проверкой кассы. Его карандаш ласточкой летал по листу бумаги, на котором он делал свои заметки. Он раскрыл свой черный портфель, достал оттуда записную книжку, быстро занес в нее несколько цифр, затем повернулся к Дорси и навел на него свои блестящие очки. Казалось, его взгляд говорил: «На этот раз вы благополучно отделались, но...»

– Касса в порядке, – отрывисто бросил ревизор и тут же атаковал бухгалтера, ведавшего лицевыми счетами.

В течение нескольких минут только и слышно было, как шелестят страницы гроссбуха и взвиваются в воздух листы балансовых ведомостей.

– Как часто вы составляете баланс по лицевым счетам? – спросил вдруг ревизор.

– Э-э... раз в месяц, – пролепетал бухгалтер, думая о том, сколько лет ему могут дать за это.

– Правильно, – сказал ревизор, устремляясь к старшему бухгалтеру, который уже поджидал его, держа наготове отчеты по операциям с заграничными банками. Здесь тоже все оказалось в полном порядке. Затем квитанционные книжки на депонированные ценности. Шуршат перелистываемые корешки – раз-раз-раз – так! В порядке. Список лиц, превысивших свой кредит, пожалуйста. Благодарю вас. Гм, гм. Неподписанные векселя банка? Хорошо.

Настала очередь главного бухгалтера, и добродушный мистер Эдлинджер от волнения то и дело снимал очки и тер вспотевшую переносицу под ураганным огнем вопросов, касавшихся количества акций, обращения, нераспределенных прибылей, недвижимой собственности, принадлежащей банку, и акционерного капитала.

Вдруг Неттлвик почувствовал, что кто-то стоит у него за спиной, и, оглянувшись, увидел старика лет шестидесяти, высокого и кряжистого, с пышной седой гривой, жесткой бородой и пронизательными голубыми глазами, которые, не мигнув, выдержали устрашающий блеск ревизорских очков.

– Э-э... мистер Кингмен, наш президент... мистер Неттлвик, – представил главный бухгалтер.

Они обменялись рукопожатиями. Трудно было представить себе двух человек, более непохожих, чем эти двое. Один был законченным продуктом мира прямых линий, стандартных взглядов и официальных отношений. В другом чувствовалось что-то более вольное, широкое, близкое к природе. Том Кингмен не был скроен по определенному образцу. Он успел побывать погонщиком мулов, ковбоем, объездчиком, солдатом, шерифом, золотоискателем и скотоводом. Теперь, когда он стал президентом банка, старые товарищи по прериям, вместе с ним проводившие дни в седле и ночи в палатке, не находили в нем особых пере-

мен. Он составил себе состояние, когда цены на техасский скот взлетели вверх, и тогда основал Первый Национальный банк Сан-Розарио. Несмотря на его природное великодушие и подчас неосмотрительную щедрость по отношению к старым друзьям, дела банка шли хорошо, потому что майор Том Кингмен умел разбираться не только в скотине, но и в людях. Последние годы были неблагоприятными для скотоводов, и банк майора оказался одним из немногих, которые не понесли больших потерь.

– Ну-с, так, – сказал ревизор, вытаскивая из кармана часы. – Осталось только проверить ссуды. Если не возражаете, мы сейчас этим и займемся.

Он провел ревизию Первого Национального с почти рекордной быстротой, но в то же время с дотошностью, которая была ему свойственна во всем. Правда, дела банка находились в идеальном порядке, и это облегчило задачу. Он знал, что в городе есть еще только один банк. Правительство платило ему двадцать пять долларов за каждую ревизию. Вероятно, проверка выданных ссуд и учтенных векселей займет у него здесь не больше получаса. После этого можно будет немедленно перейти к ревизии второго банка и поспеть на поезд 11.45. Больше поездов в нужном ему направлении в этот день не было, и если он на него не поспеет, придется ночевать и провести завтрашний, воскресный, день в этом скучном западном городишке. Вот почему мистер Неттлвик так спешил.

– Прошу вас к моему столу, сэр, – сказал майор Кингмен своим густым низким голосом, в котором ритмическая напевность речи южанина сочеталась с чуть гнусавым акцентом жителя Запада. – Я вам помогу в этом. Никто у нас в банке не знает каждый вексель так, как знаю я. Есть там молодняк, который не совсем твердо стоит на ногах, а у иных не хватает, пожалуй, лишнего клейма на спине, но когда подойдет срок, все окажется в полном порядке.

Оба уселись за стол президента банка. Для начала ревизор с быстротой молнии просмотрел все векселя, затем подытожил цифры и убедился, что общий итог сходится с суммой, значащейся в книге ежедневного баланса. После этого он перешел к более крупным ссудам, обстоятельно вникая в каждую передаточную надпись, каждый документ, представленный в обеспечение. Казалось, новый ревизор рыщет, петляет, неожиданно бросается из стороны в сторону, точно ищейка, вынюхивающая след. Наконец он отодвинул в сторону все бумаги, за исключением пяти или шести, которые аккуратной стопочкой сложил перед собою, и обратился к майору Кингмену с небольшой, сухо официальной речью:

— Я считаю, сэр, что дела вашего банка находятся в отменном состоянии, учитывая неурожайный год и неблагоприятную конъюнктуру в скотопромышленности по вашему штату. Счета и книги ведутся аккуратно и точно. Просроченных платежей немного, и убыток по ним предвидится сравнительно небольшой. Я бы рекомендовал вам потребовать возврата наиболее крупных ссуд, а в дальнейшем, впредь до нового оживления в делах, ограничиваться предоставлением лишь краткосрочных займов на два, на три месяца или же онкольных ссуд. Теперь еще только одно дело, и я буду считать ревизию законченной. Вот здесь передо мной шесть документов, всего на сумму около сорока тысяч долларов. В обеспечение этой суммы, согласно описи, представлены различные акции, облигации и другие бумаги общей ценностью на семьдесят тысяч долларов. Однако здесь, в делах, указанные бумаги отсутствуют. По всей вероятности, они у вас хранятся в сейфе или в кладовых банка. Я хотел бы с ними ознакомиться.

Майор Том смело устремил свои голубые глаза на ревизора.

— Нет, сэр, — сказал он тихим, но твердым голосом, — ни в сейфе, ни в кладовых этих ценностей нет. Я взял их.

Можете считать меня лично ответственным за их отсутствие.

Дрожь волнения прохватила Неттлвика. Этого он никак не ожидал. Под самый конец охоты вдруг напасть на след – и на какой след!

– Вот как, – сказал ревизор. Затем, выждав немного, спросил: – Может быть, вы объясните несколько подробнее?

– Ценности взял я, – повторил майор. – Взял не для себя лично, но чтобы выручить старого друга, который попал в беду. Пройдемте в кабинет, сэр, там нам будет удобнее беседовать на эту тему.

Он повел ревизора в кабинет, находившийся в глубине помещения, и, войдя, затворил за собой дверь. В комнате стояли: письменный стол, еще один стол обыкновенный и несколько кожаных кресел. На стене висела голова техасского быка с размахом рогов в добрых пять футов. Напротив красовалась старая кавалерийская сабля майора, служившая ему в сражениях при Шило и Форт-Пиллоу.

Майор пододвинул кресло Неттлвику, а сам уселся у окна, откуда ему видно было здание почты и украшенный лепкой известняковый фасад Национального Скотопромышленного банка. Он не спешил начинать разговор, и Неттлвик решил, что, пожалуй, легче всего будет проломить лед с помощью чего-то почти столь же холодного – официального предупреждения.

– Вам, разумеется, известно, – сказал он, – что ваше заявление, если только вы не найдете возможным от него отказаться, чревато крайне серьезными последствиями. Вам также известно, что я обязан предпринять, получив такое заявление. Я должен буду обратиться к комиссару Соединенных Штатов и сделать...

– Знаю, все знаю, – перебил майор Том, останавливая его движением руки. – Неужели вы думаете, что президент банка может быть не осведомлен в вопросах финансо-

вого законодательства! Исполняйте свой долг. Я не прошу никакого снисхождения. Но раз я уже упомянул о своем друге, я хотел бы рассказать вам про Боба.

Неттлвик поудобнее устроился в кресле. Теперь уже не могло быть и речи о том, чтобы сегодня же уехать из Сан-Розарио. Придется немедленно телеграфировать Главному контролеру; придется испросить у комиссара Соединенных Штатов ордер на арест майора Кингмена; возможно, за этим последует распоряжение закрыть банк ввиду исчезновения ценных бумаг, представленных в обеспечение ссуды. Это было не первое преступление, раскрытое ревизором Неттлвиком. Раз или два в жизни ему случалось вызвать своими разоблачениями такую бурю человеческих страстей, что под ее напором едва не поколебался невозмутимый покой его чиновничьей души. Бывало, что солидные банковские дельцы валялись у него в ногах и ры-

дали, точно женщины, моля о пощаде – об отсрочке, о снисхождении к одной-единственной допущенной ими ошибке. Один главный бухгалтер застрелился за своим столом у него на глазах. И ни разу он не встречал человека, который в критическую минуту держал бы себя с таким хладнокровным достоинством, как этот суровый старик из западного городка. Неттлвик почувствовал, что такой человек имеет право на то, чтобы его хотя бы выслушали со вниманием. Облокотись на ручку кресла и подперев свой квадратный подбородок пальцами правой руки, ревизор приготовился слушать исповедь президента Первого Национального банка Сан-Розарио.

– Если у вас есть друг, – начал майор Том несколько нравоучительным тоном, – испытанный друг, с которым за сорок лет вы прошли огонь, и воду, и медные трубы, и чертовы зубы, вы не можете отказать этому другу, когда он вас просит о маленькой услуге.

(«Например, присвоить для него на семьдесят тысяч долларов ценных бумаг», – мысленно заметил ревизор.)

– Мы с Бобом вместе были ковбоями в молодости, – продолжал майор. Он говорил медленно, с расстановкой, задумчиво, словно мысли его были гораздо больше заняты прошлым, чем теми серьезными осложнениями, которыми ему грозило настоящее. – И вместе искали золото и серебро в Аризоне, Нью-Мексико и во многих районах Калифорнии. Мы оба участвовали в войне шестьдесят первого года, хотя служили в разных частях. Плечом к плечу мы дрались с индейцами и конокрадами; больше месяца голодали в горах Аризоны, в хижине, погребенной под снежными сугробами в двадцать футов вышиной; носились по прерии, объезжая стада, когда ветер дул с такой силой, что молнию относил в сторону, – да, всякие мы с Бобом знавали времена, после того как впервые повстречались на ранчо «Якорь», в загоне, где клеймили скот. И не раз с тех пор нам приходилось выручать друг друга в трудную ми-

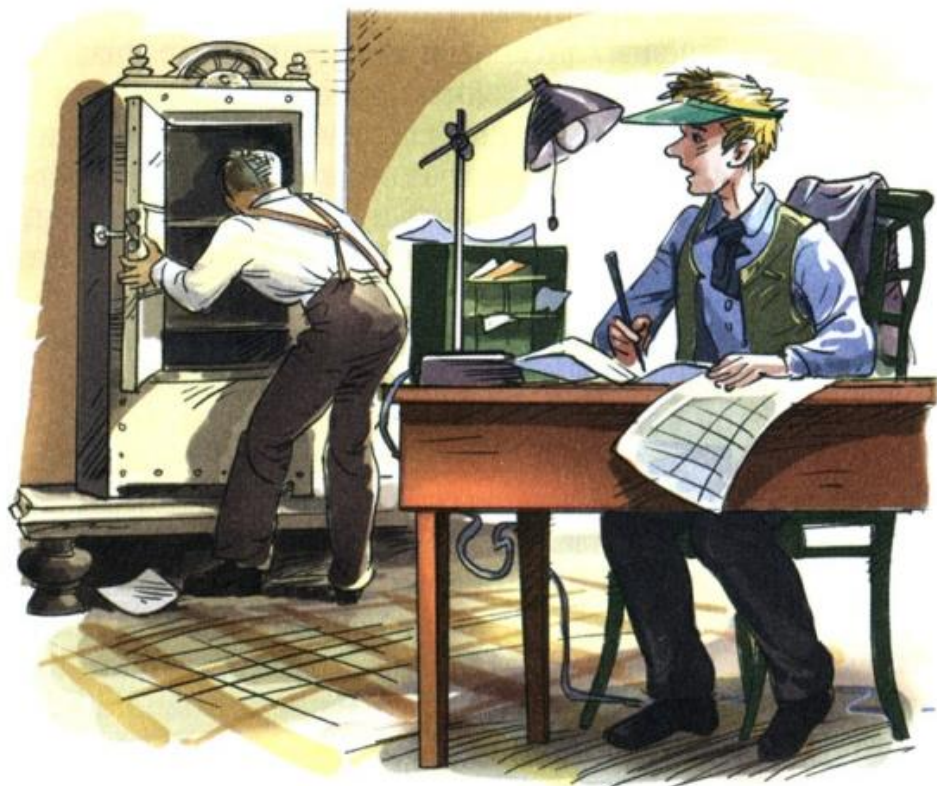
нуту. Тогда считалось в порядке вещей поддержать товарища, и никто себе этого не ставил в особую заслугу. Ведь назавтра этот товарищ мог точно так же понадобится вам – чтобы помочь отбиться от целого отряда апачей или туго перевязать вам ногу после укуса гремучей змеи и мчаться на лошади за бутылкой виски. Так что в конце концов это выходило всегда услуга за услугу, и если вы не по совести поступали с другом – что ж, вы рисковали, что в нужный момент не на кого будет опереться самому. Но Боб был выше таких житейских расчетов. Он никогда не останавливался на полдороге.

Двадцать лет назад я был шерифом этого округа, а Боба я взял к себе на должность главного помощника. Это было еще до бума в скотопромышленности, во время которого мы оба составили себе состояние. Я совмещал в своем лице шерифа и сборщика налогов, что для меня в ту пору являлось большой удачей. Я уже был женат, и у меня было двое детей, мальчик и девочка, четырех и шести лет. Жили мы в хорошеньком домике возле Управления округа, платить за квартиру не приходилось, так что у меня даже завелись кое-какие сбережения. Большую часть канцелярской работы делал Боб. Оба мы успели побывать во всяких передрягах, знавали и лишения и опасности, и вы даже представить себе не можете, до чего хорошо было сидеть вечерами в тепле и уюте, под надежным кровом, слушать, как дождь или град барабанит по окнам, и знать, что утром, встав с постели, можно побриться и люди, обращаясь к тебе, будут называть тебя «мистер». Жена у меня была редкая женщина, ребятишки – просто прелесть, а, кроме того, старый друг находился тут же и делил со мной первые радости зажиточной жизни и крахмальных сорочек – чего же мне было еще желать? Да, могу сказать, что я тогда был по-настоящему счастлив.

Майор вздохнул и мельком поглядел в окно. Ревизор переменял позу в кресле и подпер подбородок другой рукой.

– Как-то зимою, – продолжал свой рассказ майор, – налоги вдруг стали поступать со всех сторон сразу, и я целую неделю не мог выбрать время отнести деньги в банк. Я складывал чеки в коробку из-под сигар, а монеты ссыпал в мешок и запирал то и другое в большой сейф, стоявший в моей канцелярии.

Я сбился с ног за эту неделю, да и вообще со здоровьем у меня тогда было неладно. Нервы расшалились, сон стал беспокойный. Доктор определил у меня болезнь с каким-то мудреным медицинским названием и даже прописал мне лекарство. А тут еще ко всему я ложился спать с постоянной мыслью об этих деньгах. Правда, тревожиться у меня не было оснований, – сейф был надежный, и, кроме меня и Боба, никто не знал секрета замка. В пятницу вечером, когда я запирал мешок в сейф, в нем было около шести с половиной тысяч долларов звонкой монетой. Утром в субботу я, как всегда, отправился в канцелярию. Сейф был

заперт, Боб сидел за своим столом и что-то писал. Я отпер сейф и увидел, что мешок с деньгами исчез. Я позвал Боба, поднял тревогу, спеша сообщить всем о грабеже. Меня поразило, что Боб отнесся к происшествию довольно спокойно: ведь он не мог не знать, насколько это серьезно и для меня и для него.

Прошло два дня, а мы все еще не напали на след преступников. Это не могли быть обыкновенные грабители, потому что замок сейфа не был поврежден. Кругом, должно быть, уже пошли разговоры, потому что на третий день вдруг вбегает в комнату Алиса, моя жена, а с ней оба малыша; глаза у нее горят, и она как топнет ногой, как закричит: «Негодяи, как они смеют! Том, Том!» – и без чувств повалилась мне на руки, а когда нам наконец удалось привести ее в себя, она уронила голову на грудь и заплакала горькими слезами – в первый раз с того дня, как она согласилась принять имя Тома Кингмена и разделить его судьбу. А Джек и Зилла, ребяташки, они, бывало, если только им разрешат зайти в канцелярию, кидаются на Боба, точно тигрята, не оторвешь, а тут стоят и жмутся друг к другу, как пара перепуганных куропаток, только с ноги на ногу переминаются. Для них это было первое знакомство с теневой стороной жизни. Смотрю, Боб оставил свою работу, встал и, не говоря ни слова, вышел из комнаты. В те дни у нас как раз шла сессия совета присяжных, и вот на следующее утро Боб явился к ним и признался в краже денег из сейфа. Он сказал, что проиграл их в покер. Через четверть часа состоялось решение о передаче дела в суд, и я получил приказ арестовать человека, который мне много лет был роднее, чем тысяча братьев.

Я взял ордер на арест, предъявил его Бобу и говорю:

– Вот мой дом, а вот моя канцелярия, а вон там – Мэйн, а в той стороне – Калифорния, а вот за этими горами – Флорида, и куда хочешь, туда и отправляйся вплоть до дня суда. Я за тебя отвечаю, и я ответственности не боюсь. В назначенный день будь здесь – и все.

– Спасибо, Том, – говорит он так это даже небрежно. – Я, собственно, и надеялся, что ты меня не будешь сажать под замок. Суд состоится в будущий понедельник, так если ты не возражаешь, я пока побуду здесь, в канцелярии. Вот только одна просьба у меня к тебе есть. Если можно, пусть ребята разок-другой выйдут во двор, мне бы хотелось с ними поиграть.

– О чем же тут просить? – возразил я. – И они пусть выходят, и ты выходи. И ко мне домой приходи во всякое время, как и раньше.

Видите ли, мистер Неттлвик, вора в друзья не возьмешь, но и друга так сразу в воры не разжалуешь.

Ревизор ничего не ответил. В эту самую минуту слышался резкий свисток паровоза. Это прибывал на станцию поезд узкоколейки, подходивший к Сан-Розарио с юга. Майор наклонил голову и с минуту прислушивался, потом взглянул на часы. Было 10.35. Поезд пришел вовремя. Майор продолжал свой рассказ:

– Итак, значит, Боб все время оставался в канцелярии, читал газеты, курил. Его работу я поручил другому помощнику, и мало-помалу волнение, вызванное всей этой историей, улеглось.

Как-то раз, когда мы с Бобом были в канцелярии одни, он вдруг подошел к столу, за которым я сидел. Вид у него был хмурый и вроде усталый – так он, бывало, выглядел после того, как целую ночь стоял на страже в ожидании индейцев или объезжал стада.

– Том, – сказал он, – это куда тяжелее, чем одному драться с целой толпой краснокожих, тяжелее, чем лежать в пустыне, где на сорок миль кругом нет ни капли воды, но ничего, я выдержу до конца. Ты же меня знаешь. Но если б ты мне подал хоть какой-нибудь знак, хоть сказал бы: «Боб, я все понимаю», – мне было бы куда легче.

Я удивился.

– О чем это ты говоришь, Боб? – спросил я. – Ты сам

знаешь, что я бы с радостью горы перевернул, чтобы помочь тебе. Но убей меня, если я понимаю.

– Ну ладно, Том, – только и сказал он в ответ, отошел от меня и снова взялся за свою газету и сигару.

И только в ночь перед судом я понял, что означали его слова. Вечером, ложась в постель, я почувствовал, что у меня опять начинается уже знакомое неприятное состояние – нервная дрожь и какой-то туман в голове. Заснул я около полуночи. А проснувшись, увидел, что стою полуодетый в одном из коридоров управления. Боб держит меня за одну руку, доктор, лечивший всю нашу семью, – за другую, а Алиса трясет меня за плечи и плачет. Оказалось, что она еще вечером, потихоньку от меня, послала за доктором, а когда он пришел, меня не нашли в постели и бросились искать повсюду.

– Лунатизм, – сказал доктор.

Мы все вернулись домой, и доктор стал рассказывать нам о том, какие удивительные вещи проделывают иногда люди, подверженные лунатизму. Меня стало познабливать после моей ночной прогулки, и так как жена в это время зачем-то вышла, я полез в большой старый шкаф за стеганным одеялом, которое я там как-то заприметил. Когда я вытащил одеяло, из него выпал мешок с деньгами – тот самый мешок, за кражу которого Боба должны были наутро судить и приговорить к наказанию.

– Тысяча гремучих змей и одна ящерица! Как он сюда попал? – заорал я, и, наверно, всем было ясно, что я в самом деле вне себя от удивления.

Тут Боба осенило.

– Ах ты соня несчастный! – сказал он, сразу становясь прежним Бобом. – Да ведь это ты его сюда положил. Я видел, как ты отпер сейф и вынул мешок, а потом я пошел за тобою следом. И вот в это окно увидел, как ты прятал мешок в шкаф.

– Так какого же дьявола ты, баранья твоя голова, дубина стоеросовая, сказал, будто это ты украл деньги?

– Ведь я же не знал, что ты все это делал во сне, – просто ответил Боб.

Я поймал его взгляд, устремленный на дверь той комнаты, где спали Зилла и Джек, и мне стало ясно, что понимал Боб под словом «дружба».

Майор Том замолчал и снова посмотрел в окно. Напротив, на широком зеркальном окне, украшавшем фасад Национального Скотопромышленного банка, кто-то вдруг спустил желтую штору, хотя солнце еще не так высоко поднялось, чтобы нужно было принимать столь энергичные меры в защиту от его лучей.

Неттлвик выпрямился в кресле. Он слушал рассказ майора терпеливо, но без особого интереса. Рассказ этот явно не относился к делу и уж, конечно, никак не мог повлиять на дальнейший ход событий. Все эти жители Запада, думал ревизор, страдают избытком чувствительности. Настоящие деловые люди из них не получаются. Их просто нужно защищать от их друзей. По-видимому, майору больше сказать нечего. А то, что он сказал, не меняет дела.

– Я хотел бы знать, – сказал ревизор, – имеете ли вы добавить еще что-нибудь, непосредственно касающееся вопроса о похищенных ценностях?

– Похищенных ценностях, сэр? – Майор Том круто повернулся в своем кресле, и его голубые глаза сверкнули прямо в лицо ревизору. – Что вы этим хотите сказать, сэр?

Он вытащил из кармана перетянутую резинкой пачку аккуратно сложенных бумаг, бросил ее Неттлвику и поднялся на ноги.

– Все ценности здесь, сэр, все до последней акции и облигации. Я вынул их из папки с векселями в то время, как вы подсчитывали наличность. Прошу вас, проверьте и убедитесь сами.

Майор распахнул дверь и вышел в операционный зал банка. Неттлвик, ошеломленный, недоумевающий, злой и сбитый с толку, поплелся следом. Он чувствовал, что над

ним не то чтобы подшутили, но скорей использовали его в качестве пешки в какой-то сложной и непонятной для него игре. И при этом, пожалуй, довольно непочтительно отнеслись к его официальному положению. Но ему не за что было ухватиться. Официальный отчет о том, что произошло, выглядел бы нелепо. И какое-то внутреннее чувство подсказывало ревизору, что никогда он не узнает об этом деле больше, чем знает сейчас.

Неттлвик безучастно, машинально проверил переданные ему майором бумаги, убедился, что все в точности соответствует описи, взял свой черный портфель и стал прощаться.

– Должен все же заметить, – сказал он, негодуя сверкнув очками на майора Кингмена, – что ваш поступок, ваша попытка ввести меня в заблуждение, которую вы так и не пожелали объяснить, мне представляется не вполне уместной ни как шаг делового человека, ни как шутка. Я лично таких вещей не понимаю.

Майор Том посмотрел на него ясным и почти ласковым взглядом.

– Сынок, – сказал он, – в прериях и каньонах, среди зарослей чапарраля, есть много такого, чего вам не понять. Но во всяком случае позвольте поблагодарить вас за то, что вы так терпеливо слушали скучные рассказы болтливового старика. Нас, старых техасцев, хлебом не корми, дай только поговорить о старине, о друзьях и приключениях молодости. Здесь у нас это каждый знает, и потому стоит только начать: «Когда я был молодым...» – как все уже разбегаются в разные стороны. Вот мы и рады рассказывать свои сказки свежнему человеку.

Майор улыбнулся, но ревизора это не тронуло, и он, холодно откланявшись, поспешил покинуть банк. Видно было, как он твердым шагом наискосок перешел улицу и скрылся в подъезде Национального Скотопромышленного банка.

Усевшись за свой стол, майор Том достал из жилетного кармана записку, которую ему принес Рой. Тогда он только наскоро проглядел ее содержание, а теперь, не торопясь, перечитал еще раз, и в глазах у него при этом прыгали лукавые искорки. Вот что он прочел:

«Дорогой Том!

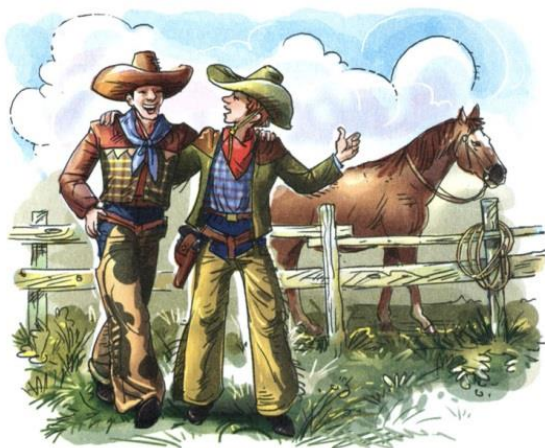
Мне сейчас сообщили, что у тебя там хозяйничает одна из ищеек дяди Сэма, а это значит, что через час-другой доберутся и до нас. Так вот, хочу попросить тебя об одной услуге. У нас сейчас в кассе всего 2200 долларов наличными, а должно быть по закону 20000. Вчера вечером я дал 18000 Россу и Фишеру на покупку партии скота у старика Гибсона. Они на этом деле заработают через месяц не меньше 40000, но от этого моя касса сегодня не покажется ревизору полнее. А документов я ему показать не могу, потому что выдал эти деньги не под векселя, а под простые расписки без всякого обеспечения – мы-то с тобой

знаем, что Пинк Росс и Джим Фишер ребята золотые и не подведут. Помнишь Джима Фишера: это он тогда застрелил банкюмета в Эль-Пасо. Я уже телеграфировал Сэму Брэдшо, чтоб он мне прислал 20 000 из своего банка, но их привезут только с поездом, который приходит по узкоколейке в 10.35. Если ревизор обнаружит в кассе только 2200 долларов, он закроет банк, а этого допускать нельзя. Том, ты должен задержать этого ревизора. Что хочешь делай, а задержи, хотя бы тебе для этого пришлось связать его веревкой и сесть ему на голову. После прихода поезда следи за нашим окном; если ты увидишь, что на нем опустили шторы, значит, деньги уже в кассе. А до того ты ревизора не выпускай. Я на тебя рассчитываю, Том.

Твой старый товарищ
Боб Бакли, президент Национального
Скотопромышленного банка».

Дочитав до конца, майор неторопливо порвал записку на мелкие клочки и бросил в корзину. При этом он усмехнулся с довольным видом.

– Ах ты старый ветрогон, ковбойская твоя душа! – весело пробормотал он себе под нос. – Вот теперь я хоть немножко сквитался с тобой за ту услугу, которую ты хотел оказать мне в бытность мою шерифом, двадцать лет тому назад.

НОВИНКИ серии «ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»

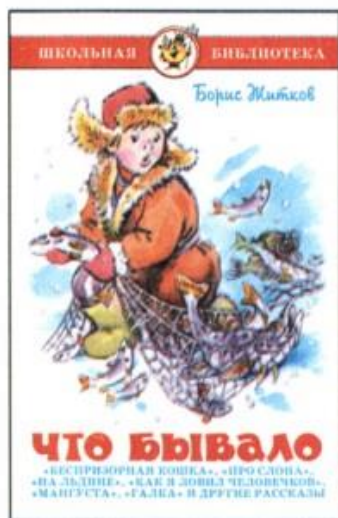

«Рассказы русских писателей»

Авторы этого сборника — известные и признанные во всем мире писатели, гордость русской литературы. В книгу вошли их лучшие произведения, созданные для детей школьного возраста.

«Сказки русских писателей»

В этот сборник вошли сказки классиков русской литературы. Эти интересные сказочные истории воспитывают в ребенке сопереживание, учат делать добро и ценить дружбу.

Борис Житков «Что бывало»

В книге одного из основателей русской детской литературы собраны простые и понятные рассказы. Они пронизаны любовью ко всему миру. Быть добрым, помогать слабым и беззащитным, заботиться о них — в этом видит автор предназначение человека на Земле.

Серия «Школьная библиотека»

О.Генри

ВОЖДЬ КРАСНОКОЖИХ

Для среднего школьного возраста

Художник

Соколов Геннадий Валентинович

Главный редактор А. Алир

Технический редактор М.В.Юдаева

Компьютерная вёрстка Д.А.Володин

Корректор С.П.Мосейчук

Ответственный за выпуск А.В.Сенюшов

Сертификат соответствия

РОСС RU. АЕ51. Н 15427 №0305667 от 08.06.2011

Подписано в печать 22.08.2011. Формат 60х90 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. п. л. 7. Гарнитура «Ньютон».

Тираж 20 000 экз. Заказ № 3252.

Издательство «Самовар»

125047, Москва, ул. Александра Невского, д.1.

Информация о книгах на сайте www.knigi.ru

Оптовая продажа: ООО «Атберг 98»

(495) 925-51-39 www.atberg.aha.ru

Интернет-магазин:

(495) 619-12-91 www.books-land.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных издательством материалов в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР» 170040, Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

© Е.Д.Калашникова, наследники, перевод.

© Т.Озерская, наследники, перевод.

© Н.Л.Дарузес, наследники, перевод.

© М.Ф.Лорие, наследник, перевод.

© Издательство «Самовар»,
составление, серийное оформление.

© РИО «Самовар 1990», иллюстрации.

ISBN 978-5-9781-0386-1

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Серия рекомендована
Департаментом
общего среднего образования
Министерства
общего и профессионального образования
Российской Федерации

Художник
Теннадий Соколов

9 785978 103861 >